

Иса Архен

An artistic illustration featuring a human hand, palm up, holding a delicate purple flower with a yellow center. The hand is rendered in warm, orange-brown tones. The background is a dense, dark forest of black and dark brown leaves and vines. Several other purple flowers are scattered throughout the scene, some in bloom and some as buds. The overall mood is mysterious and elegant.

Цветок на его руке

Иса Архен

Цветок на его руке

<https://litres.ru/73737976>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она научилась жить без прошлого.

Он не смел надеяться, что найдёт её снова.

А тот, кто всегда был рядом, вовсе не собирался отпускать.

Спустя двенадцать лет Виэла Хайт сталкивается с мужчиной, которого считала частью давно закрытой главы своей жизни. Хейден Харрингтон вырос, стал сильным и опасным таким, каким требует быть мир власти и денег. Он не узнаёт её сразу. Возможно, боится узнать и снова потерять.

Рядом с Виэлой есть другой тот, кто знает её страхи, поддерживает и обещает безопасность. Но иногда забота незаметно превращается в контроль, а привычная близость в ловушку.

Это история о выборе между спокойствием и настоящими чувствами, о любви, которая не требует и не давит, а ждёт, и о прошлом, которое нельзя стереть, если оно навсегда осталось на коже в виде цветка, подаренного однажды слишком искренне.

Иса Архен

Цветок на его руке

Плейлист

Ash to Eden – Sin

Ash to Eden – Beg

Ash to Eden – Always&Forever

Wolf Colony – Forgiven

Wolf Colony – Ocean

DRIADA – Forgotten

Ruelle – Daydream

Astyria – Where it all begins

Black Nail Cabaret – My casual God

Marissa – If you like that

AURORA – Blood in the Wine

Michele Morrone – Another day

Daisy Gray – Saviour

XOV – Lucifer

Josh Jenkins – I still love you

Jason Walker – Down

Aquilo – Silhouette

Bishop Briggs – Never tear us apart

Katie Garfield – Gallows

Falling in Reverse – God is a Weapon

Дорогой читатель

Эта история родилась из размышлений о стойкости человеческого духа, о том, как мы собираем себя по кусочкам после того, как нас сломали. Героине предстоит пройти через тёмные времена, прежде чем она найдёт свой свет.

На её пути встретятся **эмоциональное насилие, жестокость близких, физическая агрессия и глубокое предательство**. Я изображала эти моменты без прикрас, потому что верю: называть боль своими именами – это первый шаг к тому, чтобы лишить её власти.

Однако я также верю в важность заботы о себе. Если в вашей жизни был опыт, перекликающийся с перечисленным, чтение может оживить тяжёлые воспоминания.

Вы имеете полное право отложить эту книгу, если чувствуете, что сейчас не готовы. Или сделать паузу в любой момент. Ваше внутреннее состояние – главный приоритет.

Если же вы решите продолжить, пусть эта история напомнит вам: вы не одиноки. И то, что было сломано, можно не просто починить, а пересобрать в нечто новое, сильное и прекрасное.

С теплом и надеждой,
Иса Архен.

Пролог

Помню запах больницы. Едкий, пронзительный запах антисептика, хлорки и лекарств, въевшийся в стены. Холодный, безжалостный свет ламп резал глаза, даже когда я их закрывала. В натянутой, звенящей тишине то и дело взрывались звуки: отдалённые шаги, скрип колёс каталки, приглушённый плач из другой палаты. Я лежала неподвижно, прислушиваясь, как боль, тупая и всепоглощающая, расходится по телу тяжёлыми волнами. И ловила одну мысль, которая не давала покоя: *как?* Как я дошла до этого?

Меня уже переодели в грубую больничную сорочку, но кожа под ней всё ещё помнила. Помнила липкую тяжесть одежды, пропитанной насквозь. Не водой. Кровью.

Несколько месяцев назад я наивно мечтала о любви. О той, что из книг – всепоглощающей и спасительной.

Несколько недель назад я свято верила, что наконец-то нужна. Тому, чьё внимание было для меня и воздухом, и ядом.

Несколько дней назад я позволила сладкому вранью убедить себя: всё будет хорошо. Это надолго. Это навсегда.

Несколько часов назад я ещё надеялась. Глупо, истерично, отчаянно надеялась, что всё как-нибудь обойдётся.

Но он ушёл. Просто отвернулся и ушёл. И этот жест был страшнее любого крика. Я зажмурилась изо всех сил, будто

тьма под веками могла смыть кадры киноленты, прокручивавшейся в голове. Но они возвращались. Чётче, ярче, безжалостнее.

Хриплый смех его друзей. И его голос, спокойный, почти ленивый, перерезавший последние нити моего мира: *«Ты реально поверила, что всё по-настоящему? Маленькая, глуленькая малышка Ориана. Это была всего лишь игра. Я тебя не люблю. Ты мне не нужна».*

А потом пришёл отец. И сделал то, что умел лучше всего. Не утешать. Уничтожать.

Его рёв, заглушавший всё. Глухие удары. Слова, которые ранили изнутри острее, чем кулаки – снаружи. И самое невыносимое... тишина после. Пустота, зияющая там, где ещё недавно билось, трепетало и верило в чудо сердце.

Сегодня я потеряла всё.

Сегодня я потеряла себя.

Запомните: это не история о любви.

Это история о том, как мечты о любви могут разрушить жизнь. До основания.

Глава 1

Настоящее

– Сегодня ты выглядишь потрясающе, – сказал Оливер, подойдя ко мне с двумя бокалами красного вина.

Я по привычке оценивающим взглядом окинула рубиновую глубину. Château Pétrus. Вино, которое производят в очень небольших количествах в основном из сорта Мерло. Это вино не купишь в обычном супермаркете. Такое вино как правило не разливают на вечеринках. Это было по карману лишь для того, для кого деньги не являются препятствием. Когда-то мы с Оли даже и не мечтали о том, что сможем так спокойно держать в руках бокал вина, бутылка которого могла стоить десятки тысяч долларов.

– Спасибо, Оли. Ты тоже сегодня принарядился.

Я улыбнулась своему другу, взяла у него бокал и сделала небольшой глоток. И прикрыв глаза не смогла удержать тихий стон удовольствия.

– Как никак наша фирма заполучила очень крупную рыбу.

Речь шла о девелоперской фирме «Бикон Хилл Девелопмент». Это крупная компания в сфере недвижимости и капитальных вложений в Бостоне. Все крупные инвесторы предпочитают вкладывать деньги в их проекты по покупке и строительству зданий. Такие крупные компании всегда связаны с рисками и сложными сделками, именно поэтому они заключили сделку с нами.

Огни ночного Бостона отражались в стеклянных стенах пентхауса, создавая ощущение, будто мы парим над городом. В зале звучал мягкий джаз, официанты в белых перчатках скользили меж гостей, разливая шампанское и редкое вино. Здесь царила атмосфера триумфа: партнёры заключили сделку, которая принесет миллионы одним, и не даст потерять еще больше, другим. И теперь каждый тост звучал как подтверждение власти и успеха.

Мы с Оливером стояли у панорамных окон, пили вино и наслаждались атмосферой. Я чувствовала взгляды – ко мне подходили, поздравляли, жали руку, ведь я была частью этой победы. Казалось, всё, о чём я когда-то и не могла мечтать, наконец стало реальностью.

Я смеялась вместе с коллегами, поднимая бокал за успех сделки, когда услышала голос за спиной. Голос, который знала слишком хорошо. Голос, от которого когда-то сжималось сердце, а потом он расколол его на осколки.

Замерла. Музыка растворилась, голоса гостей превратились в глухой фон, словно кто-то резко убавил громкость мира. Пальцы сжали ножку бокала сильнее, чем следовало, и я вдруг остро осознала собственное дыхание – слишком неровное, слишком громкое.

Я не хотела оборачиваться. Не могла. Но тело, как всегда, предало меня первым. Медленно повернулась – и увидела его.

Хейдена Джеймса Харрингтона.

Он стоял чуть в стороне от центра зала, будто и не стремился быть в фокусе внимания, хотя внимание само тянулось к нему. Уверенная осанка, спокойные, выверенные движения человека, привыкшего, что пространство подстраивается под него. Короткие чёрные волосы слегка вились, смягчая резкие черты лица, но щетина на скулах делала его старше, суровее. Опаснее.

Я вдруг поймала себя на пугающе интимной мысли – я до сих пор помню, какие они на ощупь. Его волосы. Мягкие. Теплые. Слишком живые для воспоминания.

Его глаза... Синие. Холодные. Яркие, как зимнее небо перед бурей.

В них не было удивления – и это ударило сильнее всего.

Лишь лёгкая пауза. Мгновение, в котором он задержал взгляд дольше, чем позволяла вежливость. Будто что-то внутри него зацепилось, но он ещё не понял – за что именно.

А потом он повернулся полностью – и наши взгляды встретились.

Меня словно прошибло током. На секунду показалось, что я перестала дышать. Он смотрел прямо на меня – спокойно, внимательно, слишком сосредоточенно. Не как на случайную женщину в толпе. И не как на воспоминание. Скорее... как на загадку, которую он не ожидал встретить здесь.

В его взгляде мелькнуло что-то едва уловимое. Не узнавание. Нет. Скорее – инстинкт. И этого оказалось достаточно, чтобы внутри всё сжалось.

Наш обмен взглядами прервал мой директор, владелец «Хэйл и Прескотт» мистер Джарвис Хэйл. Он улыбнулся и помахал мне рукой, подзывая ближе.

– Мистер Кэвендиш, позвольте представить вам одного из моих лучших сотрудников, Виэлу Хайт. Ведущего адвоката по корпоративным делам. Несмотря на столь юный возраст, мисс Хайт ведёт самые сложные проекты и, к слову, ещё ни разу не проиграла ни одного дела.

Помедлив секунду, шагнула к ним, чувствуя, как ноги налились свинцом. Я не поняла, узнал ли он меня, ведь я сменила имя, сменила жизнь, похоронила прошлое. Там осталась Ориана – девочка с трагическим детством. Теперь перед ними стояла Виэла Аннабель Хайт: уверенная в себе женщина, построившая карьеру и доказавшая, что способна на всё.

– Здравствуйте, мистер Кэвендиш, – произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Кажется, я была не единственной, кто решил переписать прошлое. Если бы в документах значилась фамилия *Харрингтон*, я бы сразу поняла, кто он. Но там была другая фамилия – *Кэвендиш*. И я не могла даже представить, что за этой фамилией скрывается Хейден Харрингтон.

– Мисс Хайт, рад знакомству. Должен признать, впечатлен. – Его голос был глубоким, чуть хрипловатым, и сладким, как мед. – Для такой молодой женщины занимать столь весомую должность в «Хэйл и Прескотт» – редкость. Видимо, у вас есть то, чего нет у многих.

Он сделал едва заметную паузу, будто проверял, как я отреагирую, а у меня внутри всё сжалось, но на лице осталась лишь спокойная уверенность.

– *«Ничего нет на свете прекраснее упорного стремления к цели. Ничто не может с ним сравниться. Для того, кто по-настоящему стремится к чему-нибудь, весь мир отступает на задний план».* Это, относится и к возрасту, – произнесла я ровным голосом, глядя прямо ему в глаза.

– Теодор Драйзер, Американская трагедия. – Его губы тронула лёгкая улыбка. – Удивительно, мисс Хайт. Немногие молодые юристы цитируют классику в подобных обстоятельствах.

Его взгляд не отпускал меня. Между нами возникло напряжение, которое невозможно было скрыть. Казалось, даже мистер Хэйл, стоявший рядом, уловил невидимую искру и смотрел то на меня, то на Кэвендиша, словно догадывался, что за нашими словами скрывается больше, чем просто вежливый обмен любезностями.

– Удивлять – часть моей профессии, мистер Кэвендиш, – ответила я сдержанно, отставив бокал на высокий столик рядом. – Иногда лучший способ выиграть дело – это заставить оппонента недооценить тебя.

– Тогда мне стоит быть осторожным, – усмехнулся он, чуть склонив голову набок. Его взгляд был слишком цепким, слишком внимательным, будто он пытался «прочитать» меня так же, как я привыкла внимательно вчитываться в дета-

ли каждого договора. – Вы можете оказаться опаснее, чем выглядите.

Я позволила себе короткий смешок.

– Опасность – слишком громкое слово. Я просто делаю свою работу.

– «Просто»? – он произнес это слово с особой интонацией, словно смакуя его. – Когда человек называет «просто работой» то, что делает так же безупречно, как вы... это всегда настораживает.

Выдержала его взгляд, не позволяя себе моргнуть первой.

– Возможно, вы переоцениваете меня.

– Или вы недооцениваете себя, – парировал он и впервые улыбнулся шире, по-настоящему, а не дежурной вежливой улыбкой. В этот момент во мне что-то болезненно кольнуло. Эта улыбка – слишком знакомая, слишком из прошлого. Я отвела взгляд к бокалу, делая вид, что разглядываю рубиновый цвет вина.

– В любом случае, – произнесла я, вернув голосу нейтральные интонации, – наш договор принесёт выгоду обеим сторонам. И, возможно, я еще не раз докажу вам, что стою на своём месте.

– В этом я почему-то не сомневаюсь, – тихо сказал он, и в его глазах мелькнула тень... воспоминания или догадки. Но он тут же отвел взгляд, словно решил пока оставить все вопросы без ответа.

В этот момент словно из ниоткуда к нам подошёл Оливер.

Он отходил сделать звонок по работе, и теперь возвращался быстрым шагом. Когда он увидел, с кем я разговариваю, по его лицу промелькнуло странное выражение – ярость, почти первобытная. Очень давно я не видела его таким. Но, заметив, что я уловила эту перемену, он тут же натянул фальшивую улыбку, слишком ровную, чтобы быть настоящей.

– А это, мистер Кэвендиш, – поспешил вставить мистер Хэйл, как будто стараясь сгладить напряжение, – наш лучший IT-специалист, Оливер Скотт. Без него многие дела компании оказались бы проигрышными.

Оливер даже не попытался протянуть руку для рукопожатия. Его взгляд был холодным, почти враждебным. Он лишь сдержанно кивнул, будто выполняя формальность, и тут же перевёл глаза на меня.

– Виэла, можно тебя на минуточку? – его голос звучал немного резко и недовольно. Это было так не похоже на него, что я непроизвольно насторожилась.

В груди неприятно заныло. Я почувствовала, как напряжение между тремя мужчинами становится почти осязаемым – вязким, как густой воздух перед грозой. Хейден смотрел на Оливера с насмешливым любопытством. Оливер – на Хейдена, будто готов был броситься на него в любую секунду. А я стояла между ними, понимая, что именно я – причина этой невидимой войны.

– Конечно. Прошу меня извинить. – Сказала я, улыбнувшись мистеру Хэйлу и Хейдену. Развернулась и пошла к две-

ри, ведущей на террасу. Оливер сопровождал меня, легонько положив руку мне на поясницу. В норме это выглядело бы естественно – но не после того, что я только что заметила. Оливер был всегда улыбчивым, спокойным и жизнерадостным; теперь в нём что-то изменилось.

Мы вышли на террасу и отошли в сторону от гостей. В Бостоне была ранняя осень, вечер был прохладным, воздух звенел, и по коже побежали мурашки. Оливер снял пиджак и накинул его мне на плечи, я благодарно кивнула. Пиджак был тёплым, и пах мятой и шоколадом. Его запах.

– Какого чёрта он здесь делает? – прошипел он, почти шёпотом, но в голосе сквозила явная ярость. – Только не говори мне, что ты его не узнала.

– Ты меня спрашиваешь? – раздражённо выдохнув, ответила я. – Конечно узнала. Откуда мне было знать, что мистер Кэвендиш окажется Хейденом Харрингтоном? Но, похоже, он ещё не понял, с кем говорил.

Оливер усмехнулся сухо и горько.

– Конечно. Как тебя можно не узнать? Он специально играет роль, чтобы снова запудрить тебе мозги.

– Снова запудрить мне мозги? – холодно переспросила я. – Ты всерьёз хочешь это обсуждать прямо здесь? – голос невольно загрубел. Я не собиралась устраивать сцену на корпоративной вечеринке, если он думает, что я сейчас побегу бросаться Хейдену на шею, то очень плохо меня знает.

Оливер поднял глаза на город, будто ища в его огнях от-

вет. На мгновение в его лице промелькнула уязвимость, затем он сжал челюсть и перевёл взгляд обратно на меня.

– Я просто не хочу, чтобы ты снова пострадала, – сказал он тише.

Я выдохнула. Оливер был моим единственным, самым близким другом. Он прошёл рядом со мной все стадии моей жизни. Мы подружились в тот самый год, когда всё во мне и вокруг изменилось. Тогда моим единственным утешением были карандаши, альбом для рисунков и Оливер.

Он был тем редким человеком, с кем даже мой отец не запрещал мне общаться. Может, потому что считал его безобидным ботаником. Тогда Оли был другим – невысоким, худощавым, в огромных очках, которые всё время сползали с переносицы. Он учился в другой школе, но и там оставался изгоем, фриком. Его настоящими друзьями были компьютер и я.

С тех пор прошло много лет. Сейчас Оливер изменился до неузнаваемости. Подкачался, сменил очки на линзы, обзавёлся дорогой машиной и вкусом к дорогим костюмам. Его походка стала уверенной, голос – твёрдым. Вокруг него теперь вились женщины – красивые, яркие, с безупречными улыбками. Но он, казалось, не замечал ни одну из них. Будто всё это было для него пустым, ненужным фоном.

Иногда я ловила на себе его взгляд – слишком долгий, слишком внимательный, словно он пытался разглядеть во мне что-то большее, чем просто друга. Но я всегда делала

вид, что не замечаю. Может, потому что не хотела рушить то, что у нас было. Может, потому что в моём сердце никогда не было для него того места, на которое он тайно претендовал.

— Оли, я знаю, ты переживаешь за меня, — сказала я, сжав пальцами край его пиджака, — но поверь, последнее, что мне сейчас нужно, — это снова разбить своё сердце. Уверена, с возрастом ничего не изменилось: он остался таким же фальшивым и бессердечным. И вообще, мне плевать на него. Теперь мы сотрудничаем с его фирмой — между нами будут только рабочие отношения. Он, кажется, даже не понял, что я та самая девчонка, жизнь которой он когда-то испоганил.

Я произносила это твёрдо, как заклинание, и сама себе верила... почти. Но от одного воспоминания о его взгляде, глубоко, пронзительно, внутри всё замирало, будто кто-то нажимал стоп на моём дыхании.

Оливер сжал губы в тонкую линию.

— Ты говоришь это себе или мне? — тихо спросил он, не глядя в глаза. — Он не заслуживает даже твоей тени.

Сделала шаг в сторону, чувствуя, как его слова задевают меня больше, чем я хотела бы признать. Мысли путались. Было ли мне действительно плевать? Или я просто пыталась убедить себя в этом?

Остаток вечера прошёл на удивление спокойно. Когда мы вернулись в зал, Хейдена уже не было, всё это время, я невольно искала его взглядом. Вечер подходил к концу. Оливер больше не касался этой темы, но я замечала его насторо-

женные взгляды, брошенные в мою сторону.

Позже он отвёз меня домой. Путь прошел в молчании. Каждый был занят своими мыслями. Когда я выходила из машины, Оли взял меня за запястье.

– Прости, Ви, – сказал он тихо, с лёгкой виноватой интонацией. – Я не хотел срываться. Я... сделаю, чтобы ты была счастлива. Ты же знаешь. Между нами ведь всё хорошо?

Сев обратно, глубоко выдохнула и посмотрела на него.

– Да, Оли, – сказала я мягко. – Между нами всё хорошо. Ты мой лучший друг, и я люблю тебя. Просто в следующий раз, надеюсь, ваша встреча не будет такой... напряжённой. Если он меня не узнал, это даже к лучшему. Пусть всё так и остаётся. А если ты будешь так реагировать каждый раз, это приведет к вопросам.

Мягко улыбнулась и коснулась его руки. В воздухе повисло лёгкое облегчение, но я знала, что это только начало сложной игры между прошлым и настоящим.

Когда я закрыла дверь квартиры за собой, тишина окутала меня, и я впервые позволила себе расслабиться. Но спокойствие длилось недолго: мысли ринулись, как водопад. Я вспомнила его взгляд на вечеринке – холодные синие глаза, в которых мелькнула едва заметная искра... будто он что-то угадывал, но не мог понять полностью. Сердце сжалось. Я повторяла себе: *«Он не узнал. Всё в порядке. Всё по плану»*. Но внутри меня что-то дрожало, словно тонкая ниточка прошлого вновь пыталась соединиться с настоящим.

Потом в памяти всплыл Оливер. Его напряжение. Его ярость. Его рука на моей пояснице – защитная, но слишком уверенная. Его слова: *«Я просто не хочу, чтобы ты снова пострадала»*.

Он всегда был рядом. Всегда знал, когда мне плохо. Всегда становился стеной между мной и миром. Моим якорем. Моей безопасной гаванью.

Но якоря держат не только во время шторма. Иногда они просто не дают двинуться с места.

Я закрыла глаза.

Теперь между мной и прошлым стояли не только воспоминания.

Между мной и будущим – тоже. Может я больше и не была той девочкой, которая позволила разрушить себя. Но и женщиной, свободной от прошлого, я тоже, кажется, ещё не стала.

Глубоко вдохнула и медленно выдохнула, стараясь унять тревогу.

«Это всего лишь совпадение», – сказала я в пустоту кватир.

«Всего лишь рабочая встреча».

«Он – часть сделки. Не больше».

Но где-то глубоко внутри что-то тихо, почти насмешливо шепнуло:

Он вернулся.

И это только начало.

Глава 2

Прошлое

Девенпорт. Город в штате Айова, где большинство горожан работают на заводах и промышленных предприятиях. Мой отец был грузчиком на судне, которое стояло в порту на Миссисипи. Зарабатывал он очень мало – почти вся зарплата уходила на алкоголь и азартные игры с другими такими же «работниками». Мама медсестра в местной больнице, чтобы прокормить нас, ей приходилось работать по несколько смен подряд. Когда отец проигрывал очередную зарплату и напивался, она брала вынужденные выходные, чтобы никто из соседей не видел синяков – хотя на самом деле все в городе знали, что Бред Хайбрук был тираном и алкоголиком.

Дом, в котором я жила, был таким же холодным и строгим, как и отец. Потолки низкие, стены тускло окрашены, мебель старая и скрипучая. Каждый шаг ощущался, как будто за ним следят – и, по сути, так оно и было. В воздухе почти всегда висел запах чистящих средств и старой мебели, смешанный с едва уловимым запахом алкоголя. Мама старалась поддерживать порядок, готовить еду, убирать, но её усталость и тихая тревога делали дом тягостным. Постоянное отсутствие денег, не позволяло обновить мебель или сделать ремонт. Мы просто старались выжить.

Когда отец был трезв, он постоянно следил за мной. Краситься, красиво одеваться или проявлять какую-либо само-

стоятельность было строго запрещено. Казалось, он боялся того, что я стану похожа на девочку, на которую кто-то сможет обратить внимание. Словно, если я буду незаметной, его тоже никто не будет замечать. Любая шалость или оплошность воспринималась как личное оскорбление. Он требовал, чтобы я училась и помогала по дому, не задавая лишних вопросов. Его крики, разносящиеся по дому, уже были обыденностью. А прятать синяки под свободной одеждой и замыкаться в себе, говорить мало и следить за каждой своей мыслью и движением я научилась слишком рано.

Тишина в доме была редким подарком. Чаще всего она сопровождалась напряжённым ожиданием следующего всплеска гнева. Когда отец задерживался на работе или на несколько дней уходил в пьянство, мы с мамой могли немного выдохнуть. Я не раз спрашивала её, почему она не уйдет от него и она отвечала, что он любит нас по-своему, а когда я стала спорить с ней, что это не любовь, получила звонкую пощечину. С тех пор я перестала задавать вопросы – и о любви тоже.

В этих условиях мой внутренний мир стал единственным местом свободы. Среди карандашей и альбома для рисования я могла быть собой, создавать свои маленькие миры, недостижимые для любого, кто пытался бы войти туда. Там я чувствовала себя живой.

После очередного гневного всплеска отца я не выдержала. Слезы горьким потоком стекали по щекам, и, не думая

ни о чём, я выбежала из дома. Сердце колотилось так, что казалось, его слышно было за стенами. Я спряталась на заднем дворе за большим деревом, надеясь, что никто меня не заметит.

Именно там, среди тёплого осеннего света, я увидела его. Оливер шёл из школы, утирая нос – слёзы и у него были привычным делом: в его школе никто не жалел слабых. Но когда он заметил меня, плачущую и сгорбленную, что-то переменялось в его взгляде.

– Эй... всё в порядке? – тихо спросил он, подходя ближе, словно боясь напугать меня ещё больше.

Я молчала, пытаясь выдавить из себя хоть слово, но горький комок в горле мешал. Он сел на корточки напротив, не задавая лишних вопросов, и просто протянул мне руку. Я подняла на него заплаканные глаза.

– Меня зовут Оливер... – сказал он осторожно. – А тебя?

И в этот момент, сидя под деревом, среди опавших листьев, я впервые почувствовала, что кто-то может понять меня без слов. С тех пор мы стали поддержкой друг для друга: я для него – он для меня. Он был тихим ботаником, изгоем в своей школе, и это делало его близким. А я – девочка, которую никто не замечал, кроме него. В этом странном, хрупком мире мы нашли друг друга. Ему повезло хотя бы родиться в семье любящих родителей. Его мама работала в пекарне. Отец был слесарем на одном из промышленных предприятий. Они не были богаты, но жили в уютном, тёплом доме,

где всегда витали запахи печенья и цветов, которые почти каждый день мистер Скотт дарил своей любимой жене. Я никогда этого не говорила, но я завидовала ему.

В один из дней на уроке рисования ко мне подошёл преподаватель, мистер Холс. Он был ненамного старше моего отца, носил очки в чёрной оправе, коричневый пиджак и брюки цвета хаки. Сколько себя помню, он всегда выглядел почти одинаково. Не знаю, где он брал столько одинаковой одежды. Хотелось бы верить, что она всё же была разной.

Всегда милый и внимательный ко всем ученикам, но ко мне относился как-то особенно. Думаю, это было связано с тем, что он знал, в каких условиях мне приходится жить.

– Ориана, я хочу дать тебе персональное задание, которое повлияет на твою оценку за год, – сказал он, деловито поправляя очки.

Моя успеваемость по всем предметам была на отлично, но рисование приносило мне настоящее удовольствие. Я даже подумывала подать документы в художественный колледж.

– Какое задание? – спросила я, стараясь скрыть напряжение.

Внутри ёкнуло. Я знала, что для выпускников устраивают ежегодный бал и нужен «художник-оформитель», который подготовит плакаты и баннеры с фотографиями. Я не хотела ни участвовать в организации, ни общаться с другими учениками после уроков. А тем более присутствовать на мероприятии, на котором отец никогда бы мне не разрешил по-

явиться.

– Через два месяца будет выпускной бал, – продолжал мистер Холс. – Я хочу, чтобы ты была главной по оформлению этого мероприятия. Это и твой выпускной тоже, это будет полезный и интересный опыт для тебя.

Сжала карандаш в руке, чувствуя, как внутри поднимается тревога. Это означало, что мне придётся оставаться после уроков, общаться с другими учениками...объяснять отцу что – это задание, а не наказание за плохую успеваемость.

– Мистер Холс, – осторожно начала я. – Может быть у вас будет для меня другое задание? Я успешно сдавала каждое из них. Я не могу быть оформителем этого бала.

– Боюсь, это не просьба, Ориана, – ответил он строго, но с мягкой улыбкой. – Хватит прятаться. У тебя настоящий талант. Тема бала как раз близка по духу тому, что ты любишь рисовать – что-то мистическое и необычное. К тому же, работы можно приложить к твоему резюме для поступления в художественный колледж.

Только он не знал, что я не пряталась, а выживала.

Он понизил голос, чтобы слышала только я:

– Я поговорю с твоим отцом. Объясню, что тебе придётся задерживаться после уроков, и что это не наказание, а возможность.

От его слов меня пробило холодом. Рука, сжимающая карандаш, слегка задрожала. Отец точно придёт в ярость, если узнает, что кто-то решился прийти к нему и говорить о том,

что мне нужно. Если кто-то будет учить его быть моим отцом. Он будет улыбаться и соглашаться, а когда мистер Холс уйдет, я буду той, на кого отец выпустит весь свой гнев.

Я почувствовала, как синяк на руке, скрытый под рукавом рубашки, словно напомнил о себе – о том, что старый контроль и боль ещё не ушли. И, будто предупреждая, говорил: скоро на его месте появится новый, не дав этому сойти.

Мне не осталось иного, как согласиться. Я лишь попросила преподавателя не говорить с отцом, уверяя, что сама всё улажу. Даже не стала оправдываться и говорить, будто он и не был бы против. Лгать не имело смысла. Вся школа, да и весь город, знали, что мой отец бьёт меня и маму. К нам ни раз приходил шериф, но мы уверяли его, что всё хорошо.

Так хотелось сказать правду, которая каждый раз рвалась наружу, но я не могла. Ведь отец рано или поздно мог просто выйти из себя, и тогда было бы еще хуже. Мне было жалко маму – она совсем потеряла себя. Сначала я злилась и не могла понять, как она могла любить это чудовище, позволять ему избивать себя и собственного ребёнка. Но со временем я поняла: она была настолько травмированным человеком, что даже не осознавала, что так жить нельзя. И когда я смирилась с этим, злость ушла. По правде говоря, я перестала вообще что-либо чувствовать по этому поводу. Я просто старалась изо всех сил, чтобы отец меньше обращал на меня внимания: делала то, что он говорил, не перечила, хорошо училась, помогала по дому. К сожалению, этого всегда было

недостаточно. Он всегда находил повод, чтобы избить меня.

Я вышла из кабинета, это был последний урок. Мне нужно было идти домой. Сегодня отца не должно быть дома до самого вечера, я просто хотела побыть дома одна, в тишине. Проходя мимо шкафчиков, услышала знакомый смех. Хейден Харрингтон. Капитан школьной команды по футболу, сын богатого владельца строительной компании «Харрингтон-Констракшен» – Джеймса Теодора Харрингтона. Ему принадлежало большинство зданий и промышленных предприятий города.

Хейден был типичным богатеньким мальчиком: все девочки сходили по нему с ума. Уже два года он то сходил-ся, то расходился с Моникой Вейс, красоткой школы и дочерью делового партнёра его отца. Типичная история богатых школьников: родители сводят детей, потому что они из одного слоя общества. Банально. Скучно.

Я всегда относилась к другой «касте» девчонок – тех, кому плевать на таких парней. Но было что-то в Хейдене, что притягивало. Хотелось верить, что за его шуточками, пафосными разговорами и надменным поведением скрывается что-то большее. Что внутри него есть что-то настоящее, спрятанное от чужих глаз.

Проходя, я старалась не смотреть на Хейдена, но взгляд невольно зацепился за него. Он снова помирился с Моникой – они стояли, обнявшись, и смеялись, как будто весь мир вокруг исчез. Каждое их движение было идеальным, словно

специально для всеобщего восхищения.

Я опустила глаза, но на мгновение наши взгляды встретились. И в тот самый короткий миг моё сердце застучало быстрее. Что-то в его синих глазах... казалось знакомым, но я тут же отвернулась, стараясь не дать себе рассуждать об этом дальше. Он всего лишь богатый старшеклассник, очередной образец типичного мира, к которому я никогда не буду принадлежать. Но это мгновение оставило странный осадок.

Дома я закрылась в своей комнате, включила свет и села за стол. На листе бумаги остались только несколько набросков, но сегодня я знала, что мне нужно другое – нужно поймать то странное ощущение, которое оставил его взгляд.

Открыла блокнот и взяла карандаш. В памяти всплыли его короткие черные волосы, синие глаза и лёгкая усмешка, с которой он смотрел на Монику. Линии на бумаге сами собой складывались в контуры лица, силуэт плеч, наклон головы. Я пыталась поймать не только внешность, но и то странное ощущение, которое оставил его взгляд – смесь раздражения, любопытства и чего-то необъяснимого.

Каждая черта, каждая тень на бумаге заставляла моё сердце биться быстрее. Я понимала, что это должно быть запрещённое упражнение для моих мыслей – богатый любимчик всей школы, которого я никогда не должна была замечать, теперь жил на белом листе передо мной.

Когда карандаш лёг в сторону, его портрет смотрел на ме-

ня, и я впервые почувствовала, что моё воображение может превращать реальность в нечто большее. Что даже в этом мире, полном ограничений, есть место тайным мыслям и мечтам.

Глава 3

Настоящее

Утром меня разбудил звук будильника. Хотелось зашвырнуть его куда подальше. Ночь выдалась беспокойной: в голове снова и снова прокручивались события вчерашнего вечера. Кто бы мог подумать, что спустя двенадцать лет я встречу его здесь, в Бостоне, так далеко от Девенпорта.

Мне снились сны о прошлом. О том, как впервые увидела Хейдена Харрингтона в школьном коридоре и нарисовала его портрет. С этого момента моя жизнь будто покатилась под откос.

– Ааа, боги, кто вообще придумал вставать так рано в выходной, – пробурчала я, и откидывая одеяло прошлёпала босыми ногами в ванную.

На сегодня у меня был простой план: пробежка, немного шоппинга и встреча с Майком. Мы иногда пили кофе или вино, ходили в рестораны. Иногда я приглашала его к себе. Но серьёзные отношения меня не интересовали – привязанность пугала. В любой момент человек может уйти, и я не собиралась переживать это снова. Майк идеально подходил: лёгкие встречи без обещаний и лишних вопросов. Его это тоже устраивало. По крайней мере, он так утверждал.

Майк был хирургом в Массачусетской центральной больнице. Мы познакомились на одном из деловых приёмов. Он лечил богатых и знаменитых, выглядел безупречно, умел

держаться. В общем, отличный вариант.

Включив свет, я машинально взглянула на своё отражение. Всё та же невысокая, подтянутая фигура, бронзовая кожа (спасибо за это солярию), длинные волнистые волосы карамельного цвета, спадающие на плечи. Зелёные глаза казались слишком яркими по утрам, а пухлые губы сейчас напминали обиженный изгиб. Одевшись в спортивные леггинсы и лёгкую кофту, собрала волосы в хвост.

Утро было прохладным, бодрящий воздух приятно касался кожи. Бостон ещё только просыпался, редкие прохожие спешили по своим делам, а я включила плейлист и побежала вдоль набережной.

Шаг за шагом, вдох за вдохом, тело входило в ритм, но мысли всё равно упрямо тянули в прошлое. Девенпорт. Те коридоры, запах старой школы. И он. Его взгляд, застрявший во мне на долю секунды. Я думала, что оставила это там, среди потрёпанных тетрадей и рисунков в блокноте. Но нет. Стоило встретить его вчера – и всё вернулось, будто этих лет и не было.

– Чёрт, – выдохнула я, ускоряя шаг. – Только этого мне не хватало.

И ускорила бег. Хотелось выветрить его из головы.

Пробежав свою привычную дистанцию и покрывшись слоем липкого пота, я решила заглянуть за стаканчиком любимого кофе, а затем отправиться домой собираться. Вечером предстоял ужин – Майк пригласил меня в «Намбер Найн

Парк», престижный ресторан с видом на Бостон-Коммон, расположенный на краю Бикон Хилл. Нужно было подобрать платье, которое бы соответствовало.

Сейчас я при любой возможности старалась носить элегантные, красивые вещи. Больше никакой мешковатой одежды, за которой можно было спрятаться. Никто больше не имел права запретить мне быть красивой и желанной. Я всеми силами старалась доказать это окружающим, но прежде всего – самой себе: я имею право выглядеть так, как хочу. Я заслужила это.

Иногда, правда, где-то внутри подаёт голос маленькая Ориана: *«Не выделяйся. Не привлекай внимание. Тебе это не нужно»*. Но я тут же заставляю её замолчать. Я больше не та испуганная девчонка, а взрослая женщина, и только я решаю, какой хочу быть.

В кофейне, как всегда, кипела жизнь. Молодежь занимала почти все столики: кто-то заливался смехом над глупой шуткой, кто-то делился вслух своими переживаниями, словно весь мир обязан был их выслушать. Мне нравилась эта атмосфера.

Подойдя к стойке, я встретила взгляд бариста – Хейзи. Она знала меня в лицо и всегда встречала своей фирменной улыбкой.

– Доброе утро, Ви. Как обычно? Латте на кокосовом? – спросила она, уже кивая коллеге, чтобы тот начал готовить заказ.

– Доброе, Хэйз. Да, всё как всегда. Ты же знаешь, я од-
нолюб, – ответила я с улыбкой, и мы тихонько рассмеялись
вместе.

Я достала карту, но не успела поднести её к терминалу –
мужская рука протянулась вперед и оплатила заказ вместо
меня.

– Доброе утро, девушки. Кофе за мой счёт.

Обернувшись, я тут же улыбнулась, увидев Оливера. Он
жил неподалёку, и мы часто заходили сюда вместе, но встре-
тить его так рано в выходной – неожиданно.

– Привет, Оли. Ты что здесь забыл в такую рань? – я взяла
стаканчик из рук Хейзи, поблагодарила её, и мы направились
к выходу.

Оливер выглядел так, что невозможно было не обратить
внимание: свободные льняные брюки чёрного цвета, свет-
лая рубашка с парой расстёгнутых пуговиц, подчёркиваю-
щих его подтянутую грудь. Короткие светлые волосы чуть
растрёпаны, голубые глаза блестят. Я заметила, как девуш-
ки в кофейне украдкой таращились на него, и знала – Хейзи
тоже не упускала возможность полюбоваться им. Она давно
пускала слюнки на моего лучшего друга, о чём я не раз го-
ворила ему в шутку. Но он всегда только отмахивался: *«Она
не в моём вкусе»*.

А зря. Хейзи была милашкой: голубоглазая блондинка
с пышными формами, доброй душой и открытой улыбкой.
Именно такую девушку я видела рядом с ним. Но он упрямо

её не замечал.

Мы вышли из кофейни и неспешно зашагали вдоль улицы. Осенний воздух был свежим, откуда-то доносился запах свежееиспечённых булочек.

– Так всё-таки, что ты здесь делаешь в такую рань? – спросила я, прищурившись.

Оливер пожал плечами.

– Не спалось. Решил прогуляться. А тут думаю – почему бы не заглянуть за своей утренней дозой кофеина? И, видимо, не зря.

Я усмехнулась.

– Да ладно, ты ведь даже кофе не взял, признайся честно, ты просто надеялся встретить Хэйзи.

– Опять ты за своё, – фыркнул он и закатил глаза.

– Ну а что? Она милая, красивая, явно в восторге от тебя. И вообще, когда в последний раз у тебя были нормальные отношения? – я ткнула его локтем в бок.

Оливер отмахнулся, но уголки его губ всё же дрогнули.

– Ви, ты серьёзно думаешь, что мне нужна блондинка-бариста с щенячими глазами?

– Ага, – улыбнулась я. – Именно она тебе и нужна. Ты всегда любил делать вид, что ищешь что-то особенное, а в итоге не замечаешь очевидного.

Он смотрел на меня чуть дольше, чем следовало бы. В его взгляде мелькнуло что-то странное, слишком личное. Но уже в следующую секунду он снова усмехнулся и сказал:

– Возможно, я просто жду, когда очевидное наконец заметишь ты.

Я закатила глаза, решив, что он снова шутит. Но где-то глубоко внутри кольнуло смутное чувство, будто его слова имели совсем другой смысл.

Не успела я ничего ответить на это, Оли снова заговорил: – Какие планы на вечер? Может устроим просмотр фильмов, как в старые добрые времена, закажем суши, выпьем по бокалу вина... или по бутылочке, – усмехнувшись сказал он.

Раньше мы часто так делали: заваливались к кому-то домой, включали старые фильмы, спорили о концовках, болтали до рассвета. Один бокал вина всегда плавно перетекал в бутылку, а иногда и в две. Мы засыпали на полу, переплетаясь одеялами и заливаясь смехом, и чаще всего все заканчивалось моей тошнотой. Оли сидел рядом, придерживая мне волосы, делая вид, что сам не готов был выбежать к раковине. Потом укладывал меня в постель, а утром я заваривала нам кофе и извинялась за то, что он видел меня в таком виде.

Это было так естественно – быть рядом в любых состояниях. Без масок, без попытки казаться лучше. Мы всегда поддерживали друг друга, что бы ни происходило.

Но в последнее время, между нами, будто возникла тонкая, едва заметная трещина. Может, всё дело во взрослении: работа, заботы, постоянная спешка. А может... это я сама отстраняюсь, чувствуя, что за последние пару лет Оли стал другим. Его шутки порой звучали слишком мягко, взгляды за-

держивались дольше обычного. Он проявлял больше чувств. Больше, чем я была готова принять.

– Прости, Оли, но сегодня никак. Встречаюсь с Майком. – Я специально отвела взгляд в сторону, чтобы не видеть его реакции. Разумеется, Оливер знал Майка и что мы иногда встречаемся. Он и раньше давал понять, что это ему не нравится, но никогда прямо не говорил об этом. Знал, что мы просто развлекаемся. Да и сам иногда встречался с девушками только чтобы утолить свои потребности. Всё-таки мы больше не дети.

Но я никогда не видела рядом с ним девушку, которую он пытался бы впечатлить, никогда он не знакомил меня с кем-то всерьёз.

– Понятно. Что ж, может быть в другой раз. – Его голос звучал сухо и раздражённо. Мне не нравилось это новое чувство – что я должна подбирать слова, чтобы не задеть его. Раньше между нами всё было проще.

Остановилась, глубоко вздохнула и взяла его за руку.

– Оли, что происходит? За последние двое суток я вижу на твоём лице раздражение чаще, чем за несколько прошлых лет.

– Может, ты просто не замечала. Или не хотела замечать, – ответил он тише, чем прежде. – Ты используешь Майка. Он хочет большего, но держит дистанцию, потому что знает: ты этого не хочешь. Поверь, я знаю, о чём говорю.

Я выронила его руку, слова ударили сильнее, чем я ожи-

дала. Как он посмел? Он сам не раз делал то же самое, но теперь вдруг решил обвинять меня? Гнев поднимался внутри, готовый прорваться наружу, но он опередил меня.

– Прости, Ви. Увидимся позже, мне пора.

Он поднял ладонь и неожиданно мягко провёл ею по моей щеке. Впервые это прикосновение показалось слишком личным, почти запретным. И прежде, чем я успела что-то сказать, Оливер уже развернулся и зашагал прочь быстрым шагом.

Я осталась стоять посреди улицы, касаясь пальцами того места, где только что теплилась его ладонь. Щека всё ещё хранила тепло – родное, и в то же время пугающе чужое.

По пути домой я никак не могла избавиться от ощущения, что моя щека всё ещё горит. Глупо. Всего лишь прикосновение. Он делал это сотни раз раньше – придерживал меня за руку, когда я спотыкалась, обнимал, когда я плакала. Мы ни раз засыпали в одной постели. Он утешал меня, был со мной, когда мне было страшно. Но это было другое. Слишком мягко. Слишком... близко.

Я злилась на него. На то, что позволил себе обвинить меня в использовании Майка, хотя сам вёл себя точно так же. На то, что сказал это с таким видом, будто он лучше меня знает, чего я хочу. Но злость не заглушала странного чувства внутри.

Почему я так остро отреагировала? Почему каждый раз, когда он смотрит на меня этими своими голубыми глазами,

я ловлю себя на том, что не могу дышать спокойно и отвожу взгляд?

Может, он прав. Может, я действительно не хотела ничего замечать. Проще было притворяться, что мы всё те же лучшие друзья, чем допустить мысль, что между нами что-то меняется. Потому что если это правда – тогда мне придётся выбирать. И этот выбор будет стоить слишком многого.

Я вспомнила, с чего началась наша дружба. Мы были детьми – я, спрятавшаяся за деревом во дворе после очередного гнева отца, и он, маленький ботаник с очками на пол лица, подходящий ко мне осторожно, чтобы не испугать. Он протянул руку, и я нерешительно взяла её.

Тогда это было просто дружеским утешением. Его ладонь была холодной, липкой от пота от волнения, но надёжной. Мы держались за руки, пока не проходила паника, пока слёзы не переставали катиться по щекам. Он не говорил, что «всё будет хорошо», потому что слова часто звучали пусто. Он просто был рядом, и этого хватало.

И вот теперь... это же прикосновение. Тёплое, медленное. Я чувствовала, что между нами уже больше, чем просто дружба. Но старая часть меня – та маленькая Ориана, которая пряталась за деревьями и держалась за его руку, – шептала: *«Не разрушай это, не заморачивайся на чувства, вы лучшие друзья».*

И я шла домой, теряя дыхание от мысли, что за столько лет мы снова стоим на пороге чего-то, что я не могу преду-

гадать. Теперь к моим мыслям о Хейдене, добавились мысли об Оливере.

– Что еще, черт возьми, может пойти не так? – пробурчала я, поднимаясь в свою квартиру.

Вечером, как и договаривались, Майк заехал за мной. Когда я спустилась вниз, он уже ждал меня, прислонившись к своему Porsche. Его крепкие руки облегал идеально сшитый костюм. Каштановые волосы он уложил в небрежный пучок. Майк был невероятно хорош собой. Если бы я не знала, что он уважаемый хирург, подумала бы, что он только что вышел с пляжа на Бали после утреннего серфинга.

Его лицо озарила улыбка, когда он увидел меня. Я выбрала для ужина платье от Оскар де ла Рента – кремовое, с открытыми плечами и тончайшей вышивкой. На ногах разрезы до бедра, которые делали образ одновременно сексуальным и женственным. Волосы убрала наверх, чтобы открыть шею – ничего лишнего, только естественная красота.

– Ты прекрасна, как и всегда, – сказал Майкл, лукаво улыбнувшись и подошел ближе ко мне. Его рука легла мне на талию, осторожно подтянув ближе, он поцеловал уголок моих губ. По телу пробежали мурашки – я знала, каким нежным и страстным он может быть.

– Ты тоже ничего, – ответила я, стараясь скрыть дрожь в голосе и выбрав наигранно небрежный тон, пыталась скрыть улыбку.

Майк рассмеялся низким, бархатным голосом.

– А ты умеешь делать комплименты Ви. Знаешь, многие медсёстры и пациенты в больнице, считают меня неотразимым.

Его открытая улыбка заражала. На миг я забыла о Хейдене и Оливере, обо всём что произошло за эти двое суток. Вот за это я была ему благодарна – он умел отвлечь меня, одним взглядом и лёгкой улыбкой.

Мы сели за столик у окна, вид на Бостон-Коммон переливался золотистыми огнями вечернего города. Нам подали шампанское и лёгкие закуски.

– Так, рассказывай, как прошли твои последние дни? Мы не виделись больше недели, должно быть произошло много интересного, – спросил он, устремив на меня внимательный взгляд. Его интерес был искренним, без давления, и это всегда успокаивало.

Я улыбнулась и рассказала о делах, о заключенном контракте, об обычных буднях деловой девушки. Он слушал, слегка наклонившись вперед, время от времени подшучивая, то и дело касаясь моего плеча или руки. То и дело ловила себя на мысли, что могу полностью расслабиться рядом с ним.

Но где-то в глубине памяти снова всплыл образ Хейдена. Я вспомнила его взгляд на вчерашней вечеринке, как холодно и одновременно заинтересованно он изучал меня. Внутри что-то сжалось.

– Ви, ты чего-то задумалась, – заметил Майк, когда я на миг замолчала. Его рука снова нашла мою, сжала пальцы мягко, но уверенно.

Стараясь скрыть дрожь, и покачала головой:

– Просто думаю о сделке... Немного устала. Сейчас предстоит много работы.

Он кивнул, но в его глазах я увидела понимание. Майк никогда не задавал лишних вопросов. Не пытался копнуть глубже, он просто был рядом. Но после слов Оливера, о том, что возможно Майк хочет большего, я заёрзала на месте. Если это было так, было эгоистично с моей стороны держать его рядом с собой только для того, чтобы он мог меня отвлечь. Майк, как и Оливер, был хорошим человеком и заслуживал лучшего.

Я открыла рот, чтобы задать ему вопрос прямо в лоб – о том, что он чувствует, чего на самом деле хочет от меня. Но в этот момент мой взгляд невольно поднялся над его плечом... и наткнулся на знакомые глаза.

Холодные, пронзительные, как айсберг в тёмном океане.

Мир будто замер. В ушах перестал звучать шум ресторана, смех за соседними столиками растворился в тишине. Я снова забыла, как дышать. Только Хейден Харрингтон мог одним взглядом выбить из меня весь кислород.

Он стоял у входа, высокий, уверенный, как будто этот мир принадлежал только ему. Тёмный костюм сидел идеально, подчёркивая силу плеч, свет падал на его резкие скулы, де-

лая их ещё отчётливее. Его глаза – те самые, от которых когда-то сжалось моё сердце в школьном коридоре – теперь смотрели прямо на меня.

– Ви? – мягкий голос Майка вернул меня в реальность. Он чуть наклонился ко мне, заглядывая в глаза с заботой. – Всё хорошо?

Его рука легко коснулась моей ладони, тёплая, спокойная, надёжная. Но я почти не чувствовала этого тепла. Всё внимание, каждая клеточка моего тела были прикованы к холодному, безжалостному взгляду Хейдена.

Не успела я ответить, телефон Майка настойчиво завибрировал. Врачу его положения нельзя не брать трубку. В любой момент он может быть очень нужен своим пациентам. Я знала это, и никогда не обижалась, когда прямо посреди нашей встречи ему срочно нужно было вернуться в больницу. Жизни людей важнее всего.

– Черт, извини, должно быть что-то действительно срочное. Я предупреждал, чтобы сегодня мне не звонили. Только в крайнем случае. – Он виновато улыбнулся и поднялся со стула.

– Конечно, ты спасаешь жизни. Это важнее ужина.

Мягко улыбнулась и кивнула. Он тут же взял трубку и направился в сторону выхода. Мои глаза начали шарить по залу в поисках Хейдена. Но его нигде не было видно. Что за суперспособность, вот так внезапно появляться и исчезать?!

Прошло буквально пару минут, ко мне шёл встревожен-

ный Майк.

– Ви... прости, нужно возвращаться. Мой пациент ждал пересадку костного мозга, но не было донора, сейчас он появился и мне действительно нужно ехать. – Он виновато улыбнулся, я знала, как он переживает за каждого пациента и не любит бросать меня посреди встречи.

– Разумеется, езжай. Желаю тебе лёгкой операции и выздоровления твоему пациенту. Встретимся в другой раз.

– Спасибо, Ви. Закажи что захочешь, я скажу, чтобы записали на мой счёт. – Он подошел ко мне и нежно поцеловал в губы. – Еще раз прости, обещаю загладить свою вину.

– Ещё бы, – выдохнув ему в губы, ответила я.

Я смотрела ему вслед, пока он торопливо надевал пальто и уже на ходу что-то говорил в трубку. Его фигура исчезла за дверью, и вместе с ней растворилось ощущение безопасности.

Ресторан снова зашумел вокруг, но для меня воздух будто потяжелел. Я сжала салфетку в руках, пытаюсь успокоить себя. Может, показалось? Может, Хейден и правда только мерещится мне время от времени, как напоминание о прошлом, от которого я так и не смогла сбежать?

– Ужин без спутника? – знакомый низкий голос прозвучал совсем близко, я вздрогнула и у меня по спине побежали мурашки.

Резко подняла голову. Хейден стоял напротив моего столика, словно вырос из воздуха. Его губы тронула едва за-

метная, слишком самоуверенная ухмылка, а в глазах плясал опасный огонь.

– Добрый вечер, мисс Хайт.

Мир снова качнулся.

Глава 4

Прошрое

Отца не было дома два дня. Сначала он работал, разгружая судно в порту. Потом как обычно пропивал заработанное. Вернулся вечером злой, что означало – мы с мамой будем теми, на ком он эту злость выместит.

У мамы сегодня выходной, она стояла у плиты и готовила ужин. Я помогала нарезать овощи, когда дверь открылась и отец зашел (точнее завалился) в дом.

– Мари, опять у нас воняет на весь дом твоей отвратительной стряпней?! Господи, женщина, когда ты уже научишься нормально готовить. Твою еду разве что свиньям подавай.

Он прошел в грязной одежде на кухню, оставляя за собой грязные следы и «шлейф» дешёвого пойла. Я непроизвольно сжалась. Рука, нарезающая лук, слегка дрогнула. Хотелось стать очень маленькой, ещё более незаметной. Лишь бы он меня не трогал.

Ему даже не нужен был повод, чтобы придрататься. Еда мамы и правда, не отличалась особым вкусом и изыском. Готовила она так себе. Но причина была в том, что у неё просто не было времени посвящать себя готовке и повышению кулинарных навыков. Она работала за двоих, пытаясь в принципе нас прокормить.

Отец тяжело опустился на стул, будто всё вокруг ему было обьязано. Деревянные ножки жалобно закрипили под его ве-

сом. Он потянулся к кастрюле, даже не вымыв руки, и снова поморщился.

– Тьфу, жрать это невозможно! – с силой стукнул крышкой по столу, отчего я вздрогнула и едва не порезала палец.

Сердце заколотилось в груди так громко, что, я боялась, он это услышит и обратит на меня внимание. Я устала сидеть на доску, на которой лук разъезжался под лезвием ножа, и сосредоточилась только на одном: не двигаться. Если я не открою рот, если не посмотрю в его сторону – может, он забудет, что я здесь.

Мама вытерла руки о фартук и обернулась к нему. В её взгляде не было ни гнева, ни обиды – только усталость. Та самая, которая поселилась в её глазах много лет назад.

– Поешь, отдохни, ты должно быть устал, – спокойно сказала она, хотя голос у неё чуть дрогнул.

Отец фыркнул, оттолкнул тарелку, так и не притронувшись к еде, и полез в карман за пачкой сигарет. Щёлкнула зажигалка, в кухне запахло дешёвым табаком, смешиваясь с ароматом тушёных овощей.

Я чувствовала, как горло сжимает невидимая петля. Слова о том, что мне придется задерживаться после уроков на протяжении двух месяцев, вертелись на языке, но я прикусила губу и опустила голову. Не сейчас. Сейчас любое лишнее слово могло стать искрой. А искры в нашем доме всегда заканчивались пожаром.

– Бросай эту готовку, пускай девчонка закончит. Пошли

наверх. – Мне стало противно и обидно за маму. То, что приходилось ей терпеть – было, наверное, хуже смерти.

Мама, безропотно подчинившись оставила готовку на меня. И пошла наверх за отцом. Даже не хотела думать о том, что они там будут делать. И лишь хотела побыстрее закончить с ужином, который очевидно, никто не собирался есть и спрятаться на заднем дворе. Если повезёт поболтать с Оливером. Лишь бы не слышать мамины крики.

Тишина в кухне, стояла вязкая, как кисель, и казалось, что стены дышат вместе со мной. Только наверху раздавались тяжёлые шаги отца и осторожный шорох мамы.

Торопливо помешивала овощи в сковороде, а руки дрожали так, что ложка звякала о края. Горло сжало судорогой, в груди поднималась горечь. Я ненавидела этот запах – запах ужина, который никто не будет есть. Запах дешёвого алкоголя. Запах дома, который не чувствовался домом.

«Лишь бы не слышать», – думала я, машинально шинкуя оставшийся лук.

«Лишь бы успеть выбежать во двор до того, как начнётся».

Поставила крышку на сковородку, вытерла руки о полотенце и замерла, вслушиваясь. Сверху уже послышался приглушённый голос отца, затем мамин – тихий, еле различимый. Я сжалась, в голове пронеслась мысль: *почему она всё это терпит?*

Бросив нож на разделочную доску, рванула к задней две-

ри. Ещё секунда – и я вдохнула прохладный вечерний воздух. Он обжёг лёгкие, но в тот момент показался самым сладким запахом свободы. Я шагнула на траву босыми ногами, и впервые за день почувствовала себя живой.

Уселась на холодные ступеньки крыльца и обхватила колени руками. Вечер был тихим, звёзды только начинали пробиваться сквозь тёмно-синее небо. В доме сквозь приоткрытое окно доносились приглушённые звуки – я поспешно вставила наушники, чтобы заглушить всё это, и посмотрела на экран телефона. Как раз в этот момент, он тихо завибрировал. Оливер. Словно почувствовал, что сейчас мне был нужен друг.

Не колебалась – сразу ответила.

– Ориана? – его голос был спокойный, но я уловила тревогу. – Всё нормально?

Закрыла глаза, сделала глубокий вдох.

– Не совсем...

Несколько секунд тишины. А потом тихий вздох.

– Я рядом, – сказал он. – Всегда.

Улыбнулась, хоть глаза предательски щипало.

– Знаешь, иногда у меня такое чувство, что, если бы не ты, я бы просто не выдержала.

– Перестань, – мягко возразил Оли. – Ты сильнее, чем думаешь. Но... если вдруг захочешь сбежать – я всегда готов быть твоим сообщником. Хоть прямо сейчас.

Рассмеялась сквозь слёзы, и этот смех прозвучал неожи-

данно легко. В груди стало чуть светлее.

– Спасибо, Оли. Ты даже не представляешь, как это важно для меня.

– Представляю, – тихо сказал он.

Я снова обратила взгляд к небу. Холодная звезда мерцала прямо надо мной. В этот миг я почувствовала – пока есть такие вечера и такие люди, как Оливер, я ещё могу дышать.

На следующий день, как и обещала мистеру Холсу, я осталась после уроков и пошла в актовый зал, где собирались все, кто будет заниматься подготовкой школы к выпускному балу. Организатором была девочка по имени Сара. Она училась в параллельном классе и была руководителем комитета по организации выпускного бала. Именно с ней мне предстояло общаться чаще всего. На сколько я знала, она была довольно милой. Хотя и относилась к «элите» школы.

Все эти девчонки с их фальшивыми улыбками и пластмассовым энтузиазмом вызывали у меня тошноту. А теперь я стала одной из них. Правда не по своему желанию и без улыбки.

– Ты должно быть, Ориана? – улыбаясь, подошла ко мне Сара и протянула руку. Я уставилась на неё так, словно вместо ладони передо мной оказался огромный паук. Никто раньше не протягивал мне руку и не был настолько любезен. Обычно меня просто не замечали, как будто я вовсе не существовала.

Нехотя пожала её ладонь. Не хотелось показаться невеж-

ливой с той, кто отнёсся ко мне по-доброму и с кем придётся работать бок о бок.

– Да. Мистер Холс сказал, что я должна узнать у тебя тематику бала и что мне нужно будет нарисовать.

Я старалась держаться делового тона. Мы здесь не для того, чтобы дружить. Чем быстрее я узнаю всё необходимое, тем скорее смогу уйти домой, пока отец не заметил моего опоздания. Сегодня он точно дома, и на смену выходит не раньше, чем через три дня.

– Да, он сказал, что ты лучшая. Показал несколько твоих работ, и должна признать – он прав. В них есть какой-то глубокий смысл, а то, как ты подбираешь цвета... – Сара тараторила без передышки, словно не умела замолкать. – ...в общем, я сразу сказала: «Да, она нам точно нужна». Тема бала такая интересная и интригующая, я хочу, чтобы всё выглядело идеально.

– Так какая же тема? – я постаралась говорить спокойно, хотя слушать её бесконечный поток слов не было сил.

– Ах да, тема – «Маскарад забвения», – она сделала загадочное движение руками у меня перед лицом, будто пыталась загипнотизировать. – Представь: по залу зеркала, затянутые полупрозрачной чёрной тканью, канделябры с "пылающими" свечами, над входом – часы с остановившимися стрелками. Мы найдём добровольцев, которые станут живыми статуями – ангелами и демонами в драпировке. И всё это под классическую музыку в современной аранжировке.

Только представь, насколько невероятным получится бал!

Её глаза сияли предвкушением. И должна признать, тема действительно зацепила меня. Она была права: мои картины часто передавали именно такую таинственную, магическую атмосферу.

Я сделала вид, что просто киваю, но внутри всё зашевелилось.

«Маскарад забвения». Звучало так, словно кто-то заглянул в мои мысли. Я уже видела, как чёрные ткани превращаются в клубящийся туман, как пламя свечей отбрасывает странные тени на застывшие лица ангелов и демонов, как стрелки часов застыли в мгновении, где время перестало существовать.

– Неплохо, – выдохнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, будто меня это не трогает. Но пальцы предательски сжались в кулак. Я уже хотела достать карандаш, чтобы нацарапать хотя бы пару линий, иначе мысли бы просто сгорели внутри.

– Неплохо? – Сара театрально закатила глаза. – Это будет лучшая ночь в нашей школе за последние десять лет!

Слабо усмехнулась. Она, конечно, слишком эмоциональна, но впервые за долгое время мне хотелось взяться за работу не только потому, что «так надо», а потому что... интересно.

Далее мы обсудили цветовую гамму, количество и формат

плакатов, обменялись номерами, чтобы быть на связи, и я собралась домой. Мысли о предстоящих эскизах полностью завладели мной. Я уже представляла, как возьму карандаши и перенесу на бумагу вспыхнувшие в голове образы. Поэтому сразу не поняла, что врезалась во что-то. Точнее – в кого-то. И этот кто-то оказался очень твёрдым.

– Эй, осторожнее. Не ушиблась, малышка? – протянул с ухмылкой Хейден, мать его, Харрингтон. Кажется, это был первый раз, когда он так прямо заговорил со мной.

Я испуганно подняла глаза. Наверное, сейчас они были такими же огромными, как у оленёнка Бэмби.

– Извини... я задумалась. И не называй меня так, у меня вообще-то имя есть, – слова сорвались сами собой, и я тут же вздрогнула от осознания, что только что сказала. Никогда прежде я не позволяла себе разговаривать так с кем-то вроде него. Нужно было просто пройти мимо и надеяться, что он снова перестанет меня замечать.

Хейден поднял руки в примирительном жесте. В его глазах сверкнуло озорство.

– Конечно, конечно. Так как же тебя зовут? – улыбка не сходила с его лица. Именно та самая улыбка, от которой теряли головы все девчонки вокруг.

– Ориана. Меня зовут Ориана, – я упрямо встретила его взгляд, хотя внутри всё дрожало. Конечно, откуда ему знать моё имя. Не знаю, зачем вообще я его назвала. Наверное, просто не хотела оставаться для него невидимкой. Даже по-

нимая, что он забудет его, едва выйдя из зала.

– Что ж, до встречи, Ориана, – он специально выделил моё имя, смакуя каждую букву. – И будь осторожна. Не хотелось бы, чтобы ты пострадала.

Он подмигнул и прошёл мимо, растворяясь в шуме зала. А я так и застыла посреди коридора, глядя ему вслед и пыталась осознать, что только что произошло.

Глава 5

Настоящее

На одно мгновение меня вернуло в прошлое – в тот самый день, когда он впервые заговорил со мной. Его тон и манера говорить сейчас были точно такими же: та же ухмылка, тот же озорной блеск в глазах.

– Мистер Кэвендиш, – я старалась сохранять спокойствие и ровный тон, хотя внутри всё делало сальто. Как хорошо, что я ещё ничего не съела, иначе меня точно стошнило бы. Вот это был бы спектакль.

– Ваш спутник ушёл так быстро... Не могу поверить, что вы оказались настолько неинтересным собеседником, что даже не успели перейти от закусок к основному блюду, – ухмыльнулся он.

Шутил надо мной. Этот чертов придурок шутил надо мной. Волна раздражения уже поднималась, готовая сорваться в поток едва сдерживаемых ругательств.

– Мой друг, – отчего-то мне захотелось подчеркнуть это слово, – работает хирургом в Массачусетской центральной больнице. Думаю, если бы вам понадобилась операция, вы бы хотели, чтобы ваш врач бросил всё и поехал спасать вас.

– Разумеется. Спасать, жизни куда важнее ужина с красивой женщиной, – сказал он с лёгкой усмешкой.

– Compliments... что будет дальше? – я слегка наклонилась вперёд, не отводя взгляда. Я не собиралась отступать.

– А дальше, – он расстегнул пуговицу пиджака, выдвинул стул и сел напротив меня, – я предложу вам поужинать, раз мы так удачно оказались здесь вдвоём.

Он ждал моей реакции, думая, что я откажусь или начну спорить. Не дождался. Я откинулась на спинку стула, взяла бокал с шампанским и, не отрывая глаз от его лица, сделала маленький глоток. Видела, как он следит за каждым моим движением – как дрогнуло горло, когда я проглотила пузырящуюся жидкость. Могу поклясться, его горло дрогнуло точно так же.

– В таком случае, – поставила бокал на стол, взяла меню и открыла его. – Закажу самое дорогое блюдо и ни на секунду не буду мучиться совестью.

Раздался его низкий, бархатный голос.

– На меньшее я и не рассчитывал, – сказал он и откинулся на спинку стула, наблюдая за мной с тем же блеском в глазах.

Мы выбрали блюда, заказали бутылку вина. Не на это я рассчитывала, собираясь сегодня на ужин. Я не знала, как себя вести с Хейденом. Передо мной сидел одновременно знакомый и совершенно чужой человек.

Официант разлил вино по бокалам. Повисло молчание. Я чувствовала, как Хейден наблюдает за каждым моим движением – как я держу бокал, как поправляю локон, как отвожу взгляд. В воздухе было натянутое, почти осязаемое напряжение. Он первым нарушил тишину.

– Мы с вами теперь будем много времени проводить вме-

сте на работе, хотелось бы больше узнать о вас, – сказал Хейден, лениво покручивая бокал, наблюдая, как по стеклу стекают капли вина.

– Что именно вы хотите знать? – чуть приподняла бровь. – Думала, знаний о моих профессиональных успехах вам будет достаточно.

– Всё, – он посмотрел прямо в глаза. – Хочу знать о вас всё.

В его взгляде не было ни тени насмешки – только интерес и желание разгадать. Для него я – не очередная девушка, к которой он привык. Я была для него чем-то новым. И это пугало.

– Что ж... – сделала небольшой глоток вина. – Я родилась в маленьком городе, далеко отсюда. Родители не принимали меня такой, какая я есть. Мы часто... хм... ссорились. Позже я уехала, поступила в Бостонский университет на юридический факультет. Повезло попасть на практику к мистеру Хейлу – он сразу увидел во мне потенциал. Я работала, как проклятая, стала его помощницей и вскоре получила повышение. А дальше вы и сами всё знаете.

Это была правда, только без острых углов и шрамов общего прошлого. Я не дала ему времени задать неудобный вопрос – тут же перехватила инициативу:

– Ваша очередь, мистер Кэвендиш, – мягко улыбнулась. – Расскажите мне о себе.

Сделав глоток вина, взяла нож и вилку, отрезала неболь-

шой кусочек стейка и положила его в рот. Его взгляд задержался на моих губах дольше, чем стоило бы. Он моргнул, будто сбросив наваждение, и посмотрел в глаза. Губы тронула лёгкая, почти нежная улыбка.

– Значит, вам интересна моя жизнь, – сказал он чуть тише, чем раньше. – Приятно знать.

Затем поставил локоть на край стола, и небрежно крутанул ножку бокала.

– У нас с вами много общего. Я тоже вырос далеко отсюда. Мой отец – богатый человек, которому не было дела ни до жены, ни до сына. О семейном тепле и взаимопонимании речи не шло. Он мечтал об идеальном наследнике... но я, как вы догадываетесь, был совсем не тем, кого он хотел, – он усмехнулся, но в усмешке сквозила грусть.

Сделал глоток вина, взгляд его стал чуть рассеянным.

– В выпускном классе я влюбился в девушку. Это перевернуло всю мою жизнь, – он отвёл глаза, поджал губы.

Я замерла. Бокал так и застыл в моих руках, не успев коснуться губ.

– Она была другой. Тихая, словно тень, но с огнем внутри, который видел только я. – горько усмехнулся, погружаясь в воспоминания. – Мой отец, разумеется, был против. Но дело было не только в нём. Мне пришлось оттолкнуть её, – сказал он наконец, чуть тише. Пауза растянулась, наполняя пространство чем-то личным. – Я сказал ей жестокие слова, которые до сих пор не могу себе простить. Но когда

одумался, было уже поздно. Я вернулся, но её уже не было. Она просто... исчезла. После этого я решил всё изменить, перестал общаться с отцом. Учился в университете, обзавёлся нужными знакомствами и начал строить компанию с нуля. Пытался найти её, но безуспешно.

Он говорил спокойно, уверенно, без пафоса. В его голосе слышалось чувство вины. И именно это цепляло. От его слов по телу пробежали мурашки. Он искал меня. Это меняло всё. И одновременно ничего. Да, он сожалел, это было слышно по его голосу, но разве это отменяло ту боль, которую он мне причинил?

– Значит, вы добились всего сами, – я чуть наклонила голову, наблюдая за тем, как он крутит бокал. Старалась держать лицо бесстрастным. Чтобы он не заметил, что его слова всколыхнули во мне. – Это достойно восхищения.

Я очень хорошо помнила, как именно с ним обращался отец. В этом Хейден был прав, у нас и правда было слишком много общего. Хоть мы и принадлежали к разным мирам, именно это тогда сблизило нас.

– Вы тоже добились, – он ответил спокойно, но взгляд стал внимательнее. – Сложно представить, что кто-то мог не принимать вас.

– Поверьте, могли, – я невольно усмехнулась, ведь этими людьми были в том числе и его друзья, которые не замечали меня, а когда заметили, не захотели принять. – Иногда проще уйти, чем бесконечно доказывать, что ты достоин любви.

– И всё же вы доказали, – сказал он, не отводя взгляда. – Себе. Не им.

Замерла, не ожидая от него такой точности. На секунду захотелось перевести разговор на что угодно – лишь бы не смотреть в эти глаза, которые будто видят больше, чем ты позволяешь. Ведь я и правда доказала, и делаю это по сей день. Я больше не та девочка-невидимка, которой была.

– Говорите так, словно разбираетесь в людях, – я сжала ножку бокала, пытаюсь вернуть себе контроль.

– Я разбираюсь в глазах, – его голос стал ниже, почти бархатным. – Они редко врут. Ваши, например, говорят гораздо больше, чем вы хотели бы. Мне даже кажется, что я их уже видел раньше....

На секунду я замерла. Прошло уже двенадцать лет после нашей последней встречи. Мы провели вместе не так много времени, но даже тогда он часто смотрел в мои глаза. Я изменилась настолько, что он, возможно, просто был не способен увидеть во мне ту самую девушку, которой когда-то разбил сердце. Девушку, которую, как он утверждает, он любил. Может просто не мог поверить, что спустя столько времени он наконец-то меня нашёл?

– Это прозвучало как неудачная попытка флирта, мистер Кэвендиш. – Всеми силами я старалась увести разговор в другое русло. Ведь копаться в прошлом, было очень плохой идеей.

– Возможно, – он чуть склонил голову. – А возможно, я

просто констатирую факт.

– И что же говорят мои глаза? – спросила я, делая вид, что мне безразлично, хотя сердце отчаянно колотилось в груди. Я ждала, что он скажет, что узнал меня. Что мои глаза меня выдали, но он чуть подался вперёд, локти легли на край стола, и сказал:

– Что вы привыкли прятать огонь. Но под этой сдержанностью он всё равно горит. И если кто-то подберёт верную спичку... – он сделал паузу, и уголки губ изогнулись в хищной улыбке, – всё вспыхнет моментально.

Я почувствовала, как к щекам прилила кровь.

– Осторожнее, мистер Кэвендиш, с огнём играют только те, кто умеет не обжигаться. – Теперь этот разговор зашел на еще более опасную тропу, но я ничего не могла с собой поделать. Сердце билось о грудную клетку так сильно, как птица, запертая в клетке и желающая вырваться на свободу.

– А вы думаете, я боюсь обжечься?

– Думаю, вы привыкли считать, что огонь всегда контролируете вы, – подняла бокал и сделала маленький глоток. – Но иногда пламя выбирает само, кого сжечь.

Он тихо рассмеялся – низко, с лёгкой хрипотцой.

– Пожалуй, я недооценил вас, Виэла.

То, как он произнес мое имя. Мягко, словно пробуя на вкус.

– Большинство мужчин делают эту ошибку, – ответила я спокойно, но внутри всё вибрировало, будто натянутая стру-

на.

Откинувшись на спинку стула, продолжил смотреть с тем самым ленивым интересом, за которым пряталась опасность.

– Что ж, думаю, этот ужин обещает быть куда интереснее, чем я рассчитывал.

– Вы ещё даже не попробовали десерт, – я позволила себе лёгкую улыбку. – А я всегда оставляю лучшее напоследок.

– Тогда я определённо не спешу уходить, – произнёс он, медленно.

Нам принесли второе блюдо, но после того, куда завел этот разговор, кусок не лез в горло. Извинившись, я ушла в уборную. Мне просто был необходим воздух и свободное пространство, чтобы собраться с мыслями. Все во мне кричало, чтобы я заканчивала этот ужин и уходила, пока всё не зашло слишком далеко. Но какая-то часть меня, та, что помнила те чувства, что вызывал во мне Хейден, заставляла остаться. Я долго смотрела на себя в зеркало, пока ледяная вода стекала по шее. Всё внутри твердило – уходи. Но я всё же вернулась. Потому что иногда прошлое манит сильнее здравого смысла.

Почти подошла к столу, но застыла в паре шагов от него. Хейден снял пиджак и закатывал рукава белоснежной рубашки. В этом не было ничего особенного – до тех пор, пока я не увидела, что скрывалось под тканью.

Заметив мой взгляд, чуть лукаво улыбнулся, и сказал:

– Надеюсь, вы не против. Здесь стало слишком жарко.

Он произнёс это с лёгким намёком – явно намекая на наш

разговор. Что ж, он был прав. Мне действительно стало жарко. Но не из-за слов, не из-за его уверенной улыбки или крепких рук, а из-за татуировки, тянущейся от локтя до самых пальцев.

– Это... клематисы? – мой голос предательски дрогнул.

Тонкие линии, будто живые, обвивали его предплечье. Мой цветок.

Мой любимый. Тот, что я рисовала бесконечно в старом блокноте, а потом дарила ему наброски – просто так. Теперь один из тех рисунков ожил на его коже. Зачем он это сделал?

Он заметил, как изменилось выражение моего лица. И в этот миг – всего одно короткое мгновение – я увидела в его глазах неуверенность. А потом... узнавание.

Чуть нахмурился, будто не веря собственным глазам, и произнёс почти шёпотом:

– Ориана...?

Мне показалось, что кто-то выкачал весь воздух в зале. Наверное, он вспоминал ту девчонку – в рваных кроссовках, потёртых джинсах и футболках с героями комиксов, которая редко снимала кепку и держалась особняком. И теперь, глядя на уверенную в себе женщину в элегантном платье, на каблуках, он пытался совместить эти две версии.

Я не знала, что сказать. Только стояла и чувствовала, как старое имя эхом отзывается внутри – будто кто-то тихо распахнул дверь, которую я много лет боялась открыть. Все-

го на несколько долгих секунд я замешкалась. Всё приняло слишком неожиданный и опасный поворот. Решение пришло мгновенно – сбежать.

Ничего не сказав, развернулась на каблуках и почти побегала к гардеробу, на ходу вытаскивая номерок из сумки. Сунула его в руки растерянному гардеробщику и обернулась. Хейдена не было видно – возможно, он ещё стоял у стола, пытаюсь осознать, что только что произошло. Но я знала: он пойдёт за мной.

Схватив пальто, выскочила из ресторана. На улице пахло приближающимся дождём. Пальто путалось в руках, ремешок сумки скользил с плеча, а шпильки – двенадцатисантиметровые, безжалостные – превращали побег в испытание. Но мне нужно было бежать. Прочь от Хейдена. Прочь от прошлого, которое внезапно вернулось и легло на грудь каменным грузом. Мне просто нужен был воздух.

Остановилась у ближайшего фонтана. Холодная вода разбивалась о камень и касалась лица лёгкими брызгами – будто пытаюсь вернуть дыхание. Облокотившись о край, закрыла глаза.

И тогда услышала шаги. Ровные, уверенные.

– Малышка... посмотри на меня, – неуверенно прошептал он.

От этого старого прозвища всё внутри застыло. Я словно вернулась в прошлое. На миг перестала дышать, а затем, гнев – острый, как лезвие – поднялся по венам, разливаясь жаром.

Резко развернувшись, и встретив его взгляд, выпалила:

– Не смей называть меня так. Виэла. Теперь это моё имя.

Сердце стучало где-то в горле. Он стоял напротив – всё тот же, и совсем другой. А я – уже не та, кого он когда-то звал «малышкой».

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Теперь между нами оставалось меньше метра – и воздух, густой, как туман перед грозой.

– Виэла... – мое имя слетело с его губ с легким чувством вины. – Чёрт побери, почему ты не сказала мне сразу?

– А зачем? Всё в прошлом, Хейден.

Он нервно провёл рукой по волосам, взгляд метнулся в сторону, потом снова ко мне.

– Когда я увидел тебя вчера на приёме, мне показался знакомым твой взгляд. Но я не мог поверить, что ты можешь быть той, которую я ...

– Замолчи, – я не дала ему закончить. Это было выше моих сил. Не хочу сейчас говорить о том, что было. Тем более, я уверена, что наши с тобой версии происходящего будут расходиться.

– Ты сейчас смотришь на меня так, будто это я тогда ушла. Будто я, уничтожила всё, что было между нами. Но это был ты. Ты причинил мне боль, Хейден, – тяжело дыша выпалила я. Неконтролируемые слезы уже катились по щекам маленькими ручейками. Я не собиралась плакать. Точно не при нём, но ничего не смогла с собой поделать.

Медленно, словно боялся спугнуть загнанного зверя, он подошел почти вплотную. Меня загнали в болезненные воспоминания. О том, что я пережила по его вине. Он даже не догадывается, какую боль мне причинил.

Еще один шаг и между нами почти не осталось свободного пространства. Его рука потянулась ко мне и на миг замерла около моего лица. Словно он боялся коснуться призрака, ведь от малейшего прикосновения он может исчезнуть. Тем не менее, дотронулся сначала кончиками пальцев, убедился, что я не исчезну, и положил ладонь на мою щеку.

– Прости меня. Прошу, дай всё объяснить..., – в его голосе слышалась мольба. Это привело меня в чувства. Я сделала шаг назад, и его рука безвольно упала вдоль туловища.

– Не начинай, Хейден, – он поймал мой взгляд, и на миг я потеряла равновесие. В его глазах я видела целый калейдоскоп эмоций. Вина, боль, отчаяние и желание.

– Ты можешь прятаться за новым именем, за своей броней, за этим холодом... но я всё равно вижу тебя. – Тихо сказал он. Снова сделал шаг ко мне и смахнул слезинки с моей щеки.

Я вздрогнула. Это было слишком. Слишком много прошлого, слишком близко, слишком больно.

– Не смей, – выдохнула я, на большее не осталось сил.

– Тогда почему, ты смотришь на меня так, будто всё ещё помнишь? – его голос стал тише.

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли. Всё,

что смогла – это отвести взгляд, пока он не увидел, как предательски дрожат губы.

Снова шагнул ближе ко мне, но я подняла руку, упершись в его грудь:

– Ещё один шаг – и я уйду навсегда. Как когда-то – ушёл ты.

На лице Хейдена мелькнула боль – мгновенная, но настоящая. Он остановился, сжал кулаки и, будто борясь сам с собой, отступил.

– Хорошо, – хрипло выдохнул он. – Но запомни, Виэла... теперь, когда я снова нашёл тебя, я не позволю тебе исчезнуть.

Моя маска безразличия треснула. Всего мгновение – и наши взгляды столкнулись. А потом – губы. Поцелуй был резким, обжигающим, почти жестоким. Мы оба не ожидали этого, но никто не отстранился. Его руки сомкнулись вокруг меня, будто он боялся, что я растворюсь, а я потянулась к нему, запуская пальцы в знакомые шелковистые волосы. Они стали чуть жёстче, но ощущались такими родными.

Это не был романтический поцелуй – скорее, столкновение двух голодных душ, слишком долго сдерживавших себя. Вокруг проходили люди, светили фонари, журчала вода из фонтана, но всё исчезло. Был только он.

Когда воздух закончился, мы оторвались друг от друга, тяжело дыша. Его ладони всё ещё держали моё лицо, наши лбы соприкасались.

– Малышка... – прошептал он в мои губы.

Это слово обожгло сильнее поцелуя. Я отстранилась, сбивая остатки разума в кулак.

– Не называй меня так, – тихо сказала я. Нужна была дистанция, пока я не передумала и снова не набросилась на него. – Это была ошибка. Это больше не повторится. Теперь, между нами, только работа.

Он хотел что-то сказать, но я не дала ему шанса. Развернувшись на каблуках, быстро пошла к дороге. Пальто развевалось за спиной, сердце колотилось, в такт стуку каблуков по асфальту. У обочины я подняла руку, остановила такси и, уже в машине, достала телефон. Пальцы дрожали. Мне нужно было поговорить с Оливером. Он всегда умел вернуть меня в реальность. Не раздумывая, набрала его номер.

Глава 6

Прошлое

Весь следующий день после встречи в спортзале я не могла выбросить Хейдена из головы. Теперь он знал моё имя. Это не должно было меня радовать, но, почему-то, радовало. Я всё время вспоминала, как он смотрел на меня своими ярко-синими глазами. В них не было ни неприязни, ни отвращения. Напротив – в глубине этих глаз плясали искорки... может, интереса? Хотя что интересного он мог увидеть во мне? Большинство в нашей школе считает меня странной, неуклюжей, а то и вовсе не замечает. Но, кажется, теперь это изменилось. И это пугало.

После вчерашней встречи с Сарой я сделала несколько набросков. Тема бала действительно меня вдохновила – руки так и тянулись к карандашам. Я сфотографировала свои эскизы и вечером отправила их Саре. Уже через пару минут телефон завибрировал от десятков голосовых сообщений – если честно, я прослушала не все. В первом она просто визжала, потом с восторгом тараторила, как им повезло, что я теперь в их команде. А под конец добавила меня в чат с остальными участниками организации выпускного.

Так прошли две недели – быстро, почти незаметно. Мне удавалось скрывать от отца, что я задерживаюсь после уроков. Мы с Сарой договорились: я делаю плакаты дома, приношу их на встречи в те дни, когда отец на работе. Пока всё

шло гладко. Хейдена за это время я видела лишь издалека. Команда «Грозные Гризли», капитаном которой он был, готовилась к последнему матчу. Почти всё время он проводил на поле.

Сегодня же, после очередного собрания оргкомитета, я задержалась. Мы слишком долго обсуждали цвета декора и ткани для оформления зала. Я сидела, рисуя в блокноте завитки на полях, и почти не слушала, кто и что говорит. Все эти бесконечные споры о блёстках, лентах и фатине казались мне скучными. Мне хотелось просто рисовать, воплощать идеи, а не спорить, какой оттенок синего «торжественнее».

– Ри, а ты что думаешь? – голос Сары выдернул меня из мыслей. Это прозвище я терпеть не могла, потому просила её так меня не называть, но, разумеется, она лишь смеялась, утверждая, что так «звучит круче».

Моргнула и посмотрела на неё, пытаясь вспомнить о чём они сейчас говорили. Она ожидала ответа, уставившись на меня во все глаза.

– Думаю... на счёт чего? – спросила я, чувствуя лёгкий стыд: я явно всё пропустила.

Сара выдохнула, но, как всегда, не обиделась – просто продолжила с улыбкой:

– Мы решаем: делать бал костюмированным или ограничиться дресс-кодом по цветам? Я за костюмы. Да, это сложнее, но ведь выпускной один раз в жизни! Хочется, чтобы всё было волшебно. Маски, украшения, атмосфера таинствен-

ности... Это же так красиво, правда?

Кивнула.

– Да, с костюмами будет интереснее.

И действительно – в моей голове сразу сложилась картинка: мягкий свет, бальные платья, маски, отражение свечей в зеркалах... Всё это выглядело бы просто идеально. Жаль только, что я сама этого не увижу. Отец ни за что не отпустит меня на бал. Да и денег на платье, туфли и маску у нас нет.

– Замечательно! Тогда решено, – обрадовалась Сара. – На плакате с датой и временем нарисуй танцующих парня и девушку в масках. Пусть все понимают, что это будет костюмированный бал!

Она захлопала в ладоши, остальные подхватили – атмосфера стала праздничной, лёгкой. Все смеялись, строили планы... Все, кроме меня.

Взглянула на часы и сердце болезненно кольнуло – я застесалась. Уже стемнело, а уроки и так закончились поздно. Хорошо, что отец на смене, а мама дежурит в больнице. Но мне всё равно нужно было поторапливаться.

Быстро попрощавшись со всеми, выбежала на улицу. Там действительно уже стемнело, но заставило меня выдохнуть сквозь зубы вовсе не это. На улице лило как из ведра. Сильный ливень барабанил по асфальту, превращая его в зеркало, а воздух был наполнен запахом мокрого бетона и грозы. Через пару секунд я промокну насквозь. Моя сумка точно не выдержит такого напора – тетради, учебники и самое глав-

ное, блокнот с набросками, – всё будет испорчено.

Прижав сумку к груди, стояла под навесом, не зная, что делать. И вдруг передо мной плавно остановилась чёрная машина.

Не сразу дошло, что она остановилась из-за меня – пока не опустилось стекло, и не донёсся знакомый голос:

– Эй, малышка, садись. Подвезу. Не хотелось бы, чтобы ты заболела.

Я застыла. Хейден. Хейден Харрингтон. Он остановился, чтобы подвезти *меня*. Это не сон? С каких это пор школьная звезда и капитан футбольной команды предлагает помощь «странной девчонке»?

Разумеется, я хотела принять предложение. Мокнуть под дождём – не входило в мои планы. Но, если я сяду в машину, он узнает, где я живу. А этого мне меньше всего хотелось.

Подумав несколько секунд, приняла решение. Выбора всё равно не было. Я плотнее прижала сумку к груди и бросилась к машине. Распахнула дверцу и, тяжело дыша, забралась на переднее сиденье. За эти несколько секунд дождь успел промочить меня до нитки – волосы прилипли к лицу, а свободная футболка к телу.

– Я же говорила... не называй меня так, – выдохнула я, глядя на него.

Он улыбнулся, чуть склонив голову:

– А вот и благодарность за то, что я спас тебя от простуды.

Я лишь закатила глаза, а он усмехнулся и тронулся с ме-

ста.

– И часто ты подводишь бедных, несчастных девушек, попавших в беду? – спросила я, не удержавшись.

– Думаю, ты не из тех, кого нужно спасать, – ответил он спокойно. – Просто решил проявить вежливость. Только полный придурок проедет мимо, когда видит девушку под проливным дождём.

Его слова заставили меня замолчать. Я не ожидала от него такого. В нём и правда было что-то... благородное. Хейден Харрингтон, в отличие от своего отца, никогда не был груб. Я не видела, чтобы он унижал слабых или вёл себя заносчиво. Именно это когда-то в нём и зацепило – ещё тогда, когда мы почти не разговаривали.

Сердце почему-то забилось быстрее. Тепло расплзлось в груди. Не хотелось спорить, не хотелось быть колкой.

– Спасибо, что остановился, – тихо сказала я. – Промокнуть до нитки – одно дело, но я бы не пережила, если бы испортила свои наброски.

Помолчав, добавила:

– И... можешь называть меня так. Но только, когда мы одни. Потому что звучит это... чересчур пошло, – я поморщилась, пряча улыбку.

На пару секунд в салоне воцарилась тишина. А потом – громкий, залиvistый смех.

– Обещаю, это будет наш с тобой секрет.

В его голосе не было ни тени издёвки – только лёгкость

и искренность.

Я не удержалась и тоже улыбнулась.

Салон машины наполнился тихим гулом дождя – капли барабанили по крыше, по стёклам, по моим нервам. Тёплый воздух из печки приятно согревал промокшую кожу, и я впервые за весь вечер позволила себе расслабиться.

Хейден вёл уверенно, взгляд – сосредоточенный, профиль подсвечен мягким светом приборной панели. Иногда он бросал короткие взгляды в мою сторону, и каждый раз я делала вид, что не замечаю.

– Не думала, что ты тот парень, кто будет ездить на такой машине, – сказала я, чтобы хоть как-то нарушить тишину.

– А какой, по-твоему, должна быть машина капитана школьной команды? – усмехнулся он.

– Ну, не знаю... ярко-красная, с громкой музыкой, чтобы все видели, кто приехал.

– Звучит как кошмар, – фыркнул он. – Я не люблю, когда на меня пялятся.

Эта фраза выбила у меня почву из-под ног. Он не любит внимание? Серьёзно? Парень, о котором в школе не говорит разве что уборщица?

– Странно это слышать от Хейдена Харрингтона, – тихо сказала я.

– Возможно. Но, знаешь, иногда проще быть просто собой, когда никто не смотрит.

Я хотела что-то ответить, но за окном мелькнули знакомые улицы и нахмурилась.

– Эй... ты свернул не туда.

– Всё верно, – спокойно ответил он. – Ты живёшь на Севен-стрит, у старого парка. Верно?

Я медленно повернулась к нему.

– Откуда ты знаешь?

Он краем губ улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги.

– Девенпорт не такой уж большой город, малышка. И потом... я видел тебя как-то утром. Ты шла к остановке с блокнотом и охапкой карандашей.

Я замерла. Он... замечал меня? Всё это время?

Сердце пропустило удар. Пытаясь спрятать нахлынувшие эмоции, отвернулась к окну. Улицы уже пустели, фонари размыто отражались в лужах.

– Знаешь, – его голос стал мягче, – тебе не стоит прятать то, что ты рисуешь. Это... красиво. Я видел те наброски плакатов, что вы делаете к балу. Там чувствуется твоя рука.

Я не смогла сдержать удивлённый взгляд.

– Ты правда смотрел на плакаты?

– Конечно. И понял, что никто другой не мог их нарисовать.

С этими словами он остановился у моего дома – старый двухэтажный дом с облупившейся краской и кривым крыльцом выглядел особенно жалко на фоне его сверкающего автомобиля.

Неловко заправила мокрую прядь за ухо.

– Ну вот... приехали. Спасибо, что подвёз.

– Всегда пожалуйста, – тихо сказал он. – И..., не прячясь ото всех. Иногда мир замечает нас именно тогда, когда мы меньше всего этого ждём.

Он улыбнулся – тепло, по-настоящему, я открыла дверцу, и в лицо снова ударил дождь. Но теперь он казался не таким холодным.

Когда вошла в дом, там было темно и тихо. Я выдохнула с облегчением – значит, отца нет, я не попалась. Свет от уличного фонаря падал в окно кухни, и я тихо поставила сумку на стол, инстинктивно стараясь не издать ни звука. Сердце всё ещё билось быстро после поездки, и в голове крутилась только одна мысль: *он знал, где я живу*.

Уже направилась в комнату, но в тот момент, когда щёлкнул замок входной двери, всё внутри меня оборвалось.

– Ты почему без света сидишь? – низкий голос отца, хрипловатый, усталый. Он должен был прийти только завтра... Почему сейчас?

Не успела ответить – он уже вошёл в кухню. Пахло дождём и мокрой кожей куртки. В его взгляде скользнула тень подозрения, когда он заметил, что мои волосы мокрые, а на улице давно стемнело.

– Где была?

– На встрече школьного комитета. Мы обсуждали выпускной. Мистер Холс дал мне задание, стать организатором и

нарисовать плакаты.

Он прищурился, вытирая руки полотенцем, и подошёл ближе.

– А кто это тебя подвозил? – Я застыла.

– Я... просто одноклассник. Дождь начался, и...

– Одноклассник, значит, – перебил он, голос стал холоднее. – И с каких пор, одноклассники на дорогуших тачках тебя подвозят?

Внутри всё сжалось.

– Это не то, что ты думаешь. Я просто не хотела промокнуть, учебники и блокнот испортились бы, и...

Он резко поднял руку и ударил наотмашь. Воздух между нами стал ледяным. Я вздрогнула, инстинктивно отступая к стене и прижала ладонь к щеке. Она горела огнём. К глазам подкатили слёзы.

– Ещё раз увижу, что ты садишься в машину слюнтявого мажора – забудь, что у тебя есть телефон, блокнот и школа, ясно? – его голос был срывающимся, как грозовой раскат.

Я кивнула, не находя слов. Он отвернулся и пошёл к лестнице, ведущей на второй этаж, и ушёл в комнату, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка.

А я стояла в темноте, дрожа, хотя было жарко. К горлу подкатила тошнота, и только когда я услышала сверху звук телевизора – тихий, фоновый, – смогла выдохнуть.

Пальцы сжимали ремешок сумки до боли. Хотелось закричать, но я просто поднялась к себе в комнату. Там, за за-

крытой дверью, села на кровать, прижав к себе блокнот.

Хейден всё ещё был в мыслях – его голос, его взгляд, его смех. *Если бы он знал, куда я возвращаюсь каждый вечер...* Уткнулась лбом в колени, чувствуя, как по щекам катятся горячие слёзы, и шепнула:

– Он не должен узнать.

Утро выдалось таким, каким бывает только после ливня – свежим, с лёгким туманом, запахом мокрого асфальта и глухим шорохом листьев под ногами. Казалось, город Девенпорт тоже не выспался.

Я шла к школе, сжимая лямку сумки – внутри всё было спокойно, но как-то глухо, будто я смотрела на мир сквозь стекло. Отец уже ушёл на работу, не сказав ни слова. И даже не знала, радоваться этому или нет.

Возле ворот стоял Хейден. Темно-синий бомбер футбольной команды, руки в карманах, черные волосы чуть влажные от утренней сырости. Он заметил меня мгновенно.

– Эй, малышка. – Он улыбнулся, как будто вчерашний вечер был чем-то совершенно обычным. – Я уж думал, ты сегодня не придёшь.

Я попыталась ответить тем же, но губы дрогнули, и улыбка получилась бледной.

– Привет. Просто не выспалась.

– Похоже, не просто не выспалась, – он наклонился чуть ближе, изучая моё лицо. – Всё в порядке?

Не хотелось, чтобы он видел покрасневшие глаза, поэтому

отвела взгляд.

– Всё хорошо, – выдохнула я. – Правда.

Он не поверил. Я видела это в его взгляде – внимательном, почти тревожном. Я даже не сразу осознала, что происходит. С каких это пор он ждет меня у школы и интересуется моими делами.

– Слушай, – медленно произнёс он, – если кто-то тебя обидел... ты же скажешь мне?

Эти слова пронзили, как тонкая игла. Я резко подняла глаза, стараясь улыбнуться:

– С чего ты взял? Всё нормально. Не драматизируй, Харрингтон.

– Просто... – он пожал плечами. – Ты выглядишь так, будто держишь на плечах весь Девенпорт.

Я рассмеялась, но смех получился тихим, натянутым.

– Спасибо за заботу, но со мной всё в порядке.

Хейден кивнул, но не сводил с меня взгляда.

– Ладно. Пусть будет по-твоему. Но если вдруг... – он чуть улыбнулся. – Я рядом.

Эти слова застряли где-то глубоко. Простые, сказанные будто между делом, но от них стало теплее. Впервые за долгое время мне захотелось поверить, что не всё потеряно.

Школьный коридор гудел, как улей. Гул голосов, звонки, смех – всё сливалось в один шум, будто кто-то нарочно пытался заглушить мои мысли. Я шла, стараясь держать голову прямо, хотя каждый шаг отзывался неприятной пульсацией

в щеке.

В зеркале утром я видела – кожа под глазом покраснела, чуть припухла. Но я всё равно припудрила её, как могла. Кажалось, что замаскировала достаточно, утром следа было не видно... пока я снова не столкнулась с ним.

– Осторожнее, – Хейден поймал меня за руку, когда я чуть не выронила книги. – Спешись куда-то, будто за тобой гонятся.

Я попыталась вырваться, но он не отпускал. Его взгляд скользнул по моему лицу – и застыл.

– Что это?

– Что где? – я моргнула, стараясь изобразить удивление.

– У тебя... – он тихо выдохнул, глядя на щёку. – Ориана, это не просто след от подушки.

Я резко отвернулась.

– Ничего. Просто ударилась, когда дверь открывала.

– Не ври, – голос стал низким, хриплым. – Кто это сделал?

– Хейден... пожалуйста, не надо.

Он провёл рукой по волосам, пытаясь сдержаться.

– Чёрт, Ориана. Почему ты молчишь?

– Потому что... – я выдохнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Это не изменит ничего. Просто... не лезь.

– Не лезть? – Он сделал шаг ближе, и я почувствовала, как в нём борется злость и беспомощность. – Тебя бьют, а я должен стоять в стороне? Вчера я говорил, что ты справишься со всем сама, я и сейчас так думаю, но это не значит, что ты

не можешь попросить помощи.

– Это *моя* жизнь, Хейден, – тихо сказала я.

Он смотрел на меня долго, тяжело, пытаясь подобрать слова, которых просто не существует. Потом выдохнул:

– Он пожалеет, что поднял на тебя руку....

– Нет! – я схватила его за рукав, он сразу понял кто именно это сделал. Слухи дошли и до него. – Обещай, что не будешь ничего делать. Обещай мне.

Его глаза вспыхнули, но спустя мгновение он кивнул.

– Хорошо. Но если это повторится – я не стану молчать.

Я закрыла глаза, опустив голову.

– Спасибо.

Он провёл пальцами по моим волосам – едва-едва, почти не касаясь, как будто боялся сделать больно.

– Ты не должна жить так.

Я не ответила. Только кивнула и пошла по коридору, чувствуя, как его взгляд прожигает спину.

Никогда не думала, что скажу это, но сейчас мне хотелось снова стать для него невидимкой. Мне не нужна жалость. И чтобы он вмешивался. Это сделало бы только хуже. Дома я старалась держаться тихо, как можно меньше попадаться отцу на глаза. Синяк сошёл, но след от него всё ещё чувствовался где-то глубоко внутри – не на коже, а в душе.

Именно по этой причине я избегала Хейдена следующие две недели. Это было достаточно просто, учитывая, что мы были в выпускном классе и готовились к экзаменам, а после

у него проходили тренировки по футболу. Матч уже на следующей неделе, и он выжимал из себя и ребят всё по максимуму. Хейден гонял мяч с командой, он был в своём мире – сосредоточенный, сильный, уверенный. Его голос перекрывал шум ветра, и каждый раз, когда он смеялся, мне хотелось замереть и слушать. Да, я избегала встреч с ним, но это не значило, что я не могла посмотреть на него издалека. Теперь, когда он наконец обратил на меня внимание, не могла выкинуть его из головы. Теперь, к рисункам клематисов и набросков к балу, прибавились портреты парня с синими глазами. С каждым новым листом появлялись линии его лица – сосредоточенные, мягкие, рассерженные. Я могла часами выводить контуры его профиля, повторять изгиб губ, взгляд... тот самый, в котором я утонула тогда, в школьном коридоре.

Можно ли это назвать нездоровым увлечением? Да, пожалуй, можно. Но кроме моего лучшего друга Оливера, никто не говорил мне об этом, а значит с этим можно жить. Как-то проводя время у меня в комнате, он спросил:

– Опять он?

Я вздрогнула. Оливер стоял у окна, наблюдая, как я в очередной раз штрихую знакомые черты.

– Тебе не кажется, что это уже становится зависимостью? – голос его при этом был достаточно резок. Не часто Оли говорил так со мной, только когда это касалось Хейдена или отца.

– А если и так? – я отложила карандаш и посмотрела другу

в глаза. – Это ведь просто рисунки.

– Просто рисунки, – повторил он с лёгкой усмешкой. – Ты пытаешься убедить в этом меня или себя?

Я ничего не ответила. Он подошёл ближе, заглянул в блокнот – и тихо сказал:

– Он сделает тебе больно, Ориана. Он из тех парней, кому не нужны отношения с кем-то вроде тебя. Не обижайся, но ты и сама это прекрасно знаешь. Я не хочу, чтобы ты страдала.

– Я знаю, – отрезала я. – Как я уже сказала, это просто рисунки, а нас с ним едва ли можно назвать даже друзьями. То, что он один раз подвез меня домой и хотел заступиться за меня, ничего не значит.

Оливер вздохнул и поправил вечно сползающие на нос большие очки.

– Лучше бы это было так. Тебе лучше держаться от него подальше. Поверь мне.

Тогда я не поверила. Но его слова ещё долго звенели у меня в голове, когда, лёжа в темноте, я смотрела на потолок и слышала за окном, как ветер треплет листья старого клёна.

Глава 7

Настоящее

Раздались гудки. Обычно Оливер сразу брал трубку, но сегодня почему-то гудки были долгими. Я уже потеряла надежду на разговор с другом, когда он ответил:

– Ви? Что случилось? – в голосе слышалась тревога. Часто Оливер заранее знал, что звоню я не просто, чтобы спросить, как дела. У нас была особая связь – та, которую я очень боялась потерять.

– Могу я приехать к тебе? – голос дрожал, я знала, что Оливер дурно отреагирует на то, что произошло. Я надеялась, что Хейден не поймет, кто я на самом деле. Сама же была виновата – не думала, что татуировка по одному из моих школьных рисунков так всколыхнёт меня. Всего лишь цветков на его руке – и сколько боли это принесло.

– Конечно, приезжай. Мне стоит волноваться? Майк обидел тебя? Если так, я его убью, – выдохнул сквозь стиснутые зубы Оливер.

– Нет, нет, – поспешила успокоить его. – Майк ни при чём. Расскажу всё, когда приеду.

Я повесила трубку и положила телефон на колени. Экран сразу загорелся новым сообщением:

Неизвестный номер: *«Прошу, давай поговорим. Я знаю, что виноват. Но я всё тебе объясню. Дай мне шанс, малышка...»*

Не сложно было догадаться, кто это. Сердце застучало быстрее. Он взял мой номер – ну конечно, теперь мы работаем в одной команде, это было просто. Палец завис над экраном, я набирала, и стирала ответ, потому что хотелось написать всё, что у меня в голове. В итоге прикусила губу и оставила сообщение без ответа. Сегодня я уже натворила достаточно глупостей – спешить больше не хотелось.

Машина плавно остановилась у дома Оливера. Сквозь запотевшее стекло я увидела его – он стоял под навесом, руки в карманах, волосы растрепаны ветром, на губах – тень беспокойства. Дождь всё ещё лил, тяжелыми каплями барабанил по асфальту и крышам машин.

Я вышла, подняла воротник пальто, и поспешила к нему. На нём были свободные чёрные штаны и белая футболка, плотно облегавшая его крепкое тело. В последнее время всё чаще ловила себя на том, что замечаю такие детали.

Не говоря ни слова, бросилась ему на шею. Тёплые руки обвили меня почти сразу, прижимая крепко, так, будто в этом объятии я наконец могла спрятаться от всего мира.

– Оли, я такая дурочка, – выдохнула я, и голос сорвался. – Я всё испортила. Он знает.

Слова прорвались между рыданиями, горячими и беспорядочными. Я не плакала вот так, по-настоящему, уже очень давно – с тех пор, как дала себе слово больше не быть слабой. Но прошлое всё равно догнало.

– О ком ты говоришь, Ви? – спросил он глухо, чуть от-

странаясь, чтобы заглянуть мне в лицо. – О Хейдене?

Злость в его голосе была почти осязаемой. Кивнула.

– Только не надо... – прошептала я, чувствуя, как дыхание сбивается. – Не злись. Пожалуйста. Всё совсем не так.

Оливер сжал челюсти, но ничего не ответил. Просто взял меня за руку – и этот жест был одновременно успокаивающим и властным.

– Пойдём, – сказал он тихо, но в этом «пойдём» чувствовался приказ, не просьба.

Мы поднялись в квартиру. Воздух внутри был тёплым, пахло кофе и мятой – так пахло всегда у Оливера. Я сняла промокшее пальто, он сразу подал мне полотенце. Всё это время его ладонь не отпускала мою талию.

В этот момент он выглядел по-мужски серьёзным, собранным, и в его глазах читалось что-то новое. Не просто тревога за друга. Что-то более глубокое.

– Садись, – сказал он наконец. – Расскажи всё, с самого начала.

Завернувшись в мягкое полотенце, которое дал мне Оливер, села на диван. Волосы липли к лицу, пальцы предательски дрожали. Он поставил передо мной кружку с горячим чаем и сел рядом, чуть ближе, чем обычно. Пока он ходил в ванную за полотенцем и готовил чай, я думала, что ему сказать. Когда-то давно, я говорила все без утайки, но теперь, чувствуя, что Оливер относится ко мне иначе, я осторожничала.

– Ну? – тихо произнес он. – Рассказывай.

Снова не просьба. Тяжело вздохнула, стараясь собраться с мыслями и начала:

– Мы были в ресторане с Майком, но едва мы начали ужин, ему позвонили и срочно вызвали на операцию. И по какой-то нелепой случайности в этот же ресторан заявился Хейден, – сделала небольшую паузу, Оливер внимательно следил за мной, его брови хмурились. – Не успела я собраться и уйти, он подошел ко мне и предложил поужинать вместе...

– И ты конечно же, не могла послать его в задницу, – зло рыкнул Оливер.

– Мы вообще-то теперь работаем на его фирму, и я не думала, что разговор пойдет куда-то дальше работы, – так же резко сказала я. – Мы болтали о всякой ерунде, – на самом деле, я не хотела говорить, что половину нашего совместного ужина мы флиртовали друг с другом. Мне это виделось безобидным, но вот к чему это привело. – Потом я отошла в уборную, но, когда вернулась, увидела его закатывающим рукава рубашки. Тогда я увидела его татуировку. Это один из моих набросков, Оли. Клематисы, которые я так часто рисовала. Он набил татуировку с одним из моих рисунков.

Закрыла лицо руками и тихо продолжила.

– Я оцепенела. И тогда он все понял. Дальше я убежала из ресторана.

– А дальше? – стиснув челюсти спросил Оливер.

– Дальше... он догнал меня...и... – я замолчала.

– И что?

На лице Оливера ходили желваки. Он был зол. Таким, я видела его очень-очень редко. Даже в те, самые сложные для меня моменты, он злился, но не так.

– Я не стала слушать, но потом мы поцеловались. Не знаю, как это произошло.

Оливер провёл рукой по лицу, сжал губы в тонкую линию. Я видела, как в нём борются сразу несколько чувств – злость, беспокойство, ревность. И ещё что-то... боль, может быть.

– Ви, – произнёс он наконец, тихо, но твёрдо. – Я не понимаю, зачем ты вообще позволила ему к тебе приблизиться. После всего, что было.

– Я не позволяла, – вспыхнула я. – Всё вышло случайно! Я не знала, что он будет там, не знала, что узнает меня! Я просто...

– Просто что? – Оливер поднялся, глядя на меня сверху вниз. – Просто снова дала ему шанс причинить тебе боль?

Я тоже поднялась. Сердце колотилось так сильно, что казалось – проломит грудную клетку.

– Ты ничего не понимаешь, – прошептала я. – Всё не так просто.

– Я понимаю одно, – и сделал шаг ближе. – Этот парень уже однажды сломал тебя. А теперь ты сама идёшь к нему навстречу.

– Не смей, – подняла голову, глядя ему прямо в глаза. – Не

смей говорить так, будто ты знаешь, что между нами было.

– А разве я не знаю? – его голос стал ниже. – Ты тогда была рядом со мной, разбитая. Я собирал тебя по кусочкам, Ви. Годами. А теперь он возвращается – и ты снова теряешь голову из-за него.

Он стоял так близко, что я чувствовала тепло его дыхания. В груди всё сжалось.

– Это не так..., – сказала я тише. – Я просто... это больше не повторится. Все что было между нами – в прошлом.

– Только вот он, теперь, так не думает, не так ли? – Оливер ответил резко, и в его голосе сквозила боль. – Но он опоздал.

– Что? – я нахмурилась.

Посмотрел на меня пристально, слишком долго, слишком внимательно.

– Потому что теперь есть я.

Повисла тишина. В комнате слышно было только, как за окном барабанит дождь. Я не знала, что ответить. Его слова повисли между нами, как натянутая струна.

– Оливер... – что я должна на это ответить? Кажется приехать сюда, было еще одной ошибкой. Я чувствовала напряжение, которого не ощущала раньше, в его присутствии. Не могла вымолвить ни слова. Следовало уйти, пока все не зашло слишком далеко. Но какая-то часть меня, эгоистичная часть, хотела остаться и посмотреть, что будет дальше. Мы больше не были детьми и отношения наши явно не будут такими как прежде, слишком много разных эмоций и чувств

вскрылись за последнее время.

Оливер шагнул ближе. Его тень легла на моё лицо, и в этом взгляде больше не было просто дружбы – в нём жила буря, долго скрываемая за привычной заботой.

– Я больше не могу делать вид, что мне всё равно, – тихо сказал он, будто признание вырвалось само. – Я пытался быть просто рядом. На протяжении всех этих лет, смотреть, как ты выбираешь других. Как снова и снова уходишь к ним, когда тебе плохо. Но всё время возвращаешься – ко мне.

Я сжала пальцы в кулаки, стараясь не показать, как эти слова пронзили меня.

– Это неправда... – прошептала я.

– Правда, Ви, – ещё шаг. – Ты просто боишься это признать.

– Я не... – я осеклась. – Это неправильно, Оли. Мы слишком многое пережили вместе. Я не хочу потерять тебя.

– А я уже тебя теряю, – его голос стал хриплым. – Каждый раз, когда рядом с тобой кто-то другой, когда ты улыбаешься другому – я будто исчезаю. А теперь вернулся он. Тот, кто сломал тебя, и ты снова позволяешь ему это сделать.

Он отвёл взгляд, сжал кулаки. Я видела, как дрожат его плечи от сдерживаемой злости – не на меня, а на всю эту ситуацию. На себя. На него.

– Ты не понимаешь, – сказала я, стараясь дышать ровно. – Всё, что произошло между мной и Хейденом... это ошибка. Я не хочу, чтобы он снова был частью моей жизни. Я сказа

ему, что отныне мы просто партнеры по работе.

– Тогда не позволяй ему, – прошептал Оливер. – Позволь *мне* быть частью твоей жизни.

Не успела ответить, как он поднял руку, провел пальцами по моей щеке, всё ещё мокрой от слез и дождя.

– Я не прошу ничего, Ви. Просто... не уходи сейчас. Не отталкивай меня, – в его голосе дрогнула боль, усталость, искренность. – Мне кажется, я держусь только потому, что рядом с тобой.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть этого взгляда – слишком честного, слишком обжигающего. Дождь за окном стал сильнее. Капли стекали по стеклу, будто кто-то там, снаружи, тоже плакал вместе со мной.

– Всё слишком запутано, Оли, – прошептала я. – Я не знаю, что чувствую.

– Тогда останься. Узнай, – ответил он.

И в этой тишине я почувствовала, как натянутая между нами струна готова лопнуть – ещё одно слово, один неверный шаг, и всё, что мы строили годами, может превратиться в пепел.

И вот когда настал момент отступить или сдаться, Оливер решил всё за меня. Второй раз за этот вечер, поцелуй случился так внезапно и неожиданно, что я растерялась. Целовать Хейдена было как окунуться в бушующее море – опасно, невероятно. Целовать Оливера – как вернуться домой. Это был наш первый поцелуй, но я чувствовала себя рядом

с ним свободно. Мы знали друг друга слишком хорошо. Это пугало и приносило удовольствие одновременно.

Оливер прижал меня крепче и когда я ответила на его ласки, зарычал мне в рот. Не думала, что тот долговязый мальчишка в больших очках, станет на столько сексуальным мужчиной.

Он отстранился совсем немного – ровно настолько, чтобы наши дыхания смешались. Его ладонь по-прежнему лежала у меня на шее, большой палец осторожно касался кожи под подбородком.

– Прости, – прошептал он, и на губах у меня всё ещё горел его вкус. – Я не должен был...

– Нет, – покачала головой, чувствуя, как дрожит голос. – Не говори так.

Я не знала, что именно между нами произошло – ошибка или неизбежность. Но всё, что было привычным и безопасным, вдруг сгорело дотла. Между нами осталась только эта странная, острая тишина.

Оливер отвёл взгляд, провёл рукой по волосам и выдохнул:

– Просто... я устал смотреть, как ты страдаешь, Ви. Ты должна почувствовать, что тебя можно любить правильно. Без боли. Без прошлого.

Сжала край его футболки, не в силах отвести взгляд.

– А если я не смогу дать тебе то, чего ты хочешь? – прошептала я.

Он усмехнулся, без тени обиды:

– Просто будь со мной сейчас. Этого достаточно. Пока.

Я закрыла глаза, позволив себе выдохнуть рядом с ним. Дождь стихал. В квартире было тепло и уютно, а где-то глубоко под грудной клеткой впервые за долгое время стало спокойно.

Но вместе с этим покоем пришёл страх. Потому что я знала – утро всё изменит.

И когда солнце поднимется над Бостоном, я уже не смогу притворяться, что между нами всё по-прежнему.

Глава 8

Настоящее

Утро встретило меня тишиной. Я лежала, уставившись в потолок, чувствуя, как на коже всё ещё горит воспоминание о вчерашнем поцелуе. Оливер спал на диване в соседней комнате, и его ровное дыхание напоминало о том, что всё это было на самом деле. В груди поднималось чувство вины – перед ним, перед собой, перед всем, что я пыталась держать под контролем. Слишком много линий я переступила за последние дни.

Спустя некоторое время, услышала шаги и звон посуды. Босиком вышла на кухню, стараясь не шуметь. Воздух пах кофе и чем-то домашним, тёплым, почти забытым. Так пахло дома у Оливера, именно этот дом я считала своим. Он стоял у плиты, спиной ко мне, в тёмно-серой футболке, с растрёпанными волосами. Он, кажется, не спал вовсе – по крайней мере, выглядел так, будто ночь для него была слишком долгой.

– Доброе утро, – тихо сказала я, садясь за стол. Голос звучал хрипло, будто я не говорила вечность.

Он обернулся и посмотрел на меня. Долго, пристально, так, что у меня защемило в груди.

– Доброе утро, – ответил он наконец. – Я думал, ты уже сбежала.

– Хотела, – честно призналась я, обхватив ладонями

кружку, которую он поставил передо мной. – Но решила, что не хочу убегать.

Он усмехнулся, без злости, но и без прежней мягкости.

– Это прогресс.

– Или очередная ошибка, – сделала глоток кофе и отвела взгляд. Тишина между нами снова растянулась, но уже не такая уютная, как ночью. В ней чувствовалось напряжение, будто оба понимали: что-то изменилось, и пути назад нет.

– Ви... – Оливер присел напротив, положив руки на стол.

– Я не должен был тебя целовать.

Я подняла глаза.

– Но ты не жалеешь.

– Нет, – он выдохнул, как будто признание срывалось само.

Его слова повисли в воздухе. Хотелось сказать, что и я не жалею, но губы не слушались. Может, потому что это означало бы признать то, чего я сама ещё не понимала.

Он встал, отступив к окну, словно боялся подойти ближе.

– Я не хочу быть ещё одной твоей ошибкой, Ви. Но если ты позволишь – я не дам ему снова тебя ранить.

Сердце сжалось.

– А если поздно?

Он повернулся ко мне, его глаза потемнели.

– Тогда я хотя бы смогу сказать, что попытался.

Взяв вещи, которые когда-то оставила у Оливера, переделась и пошла к выходу. Обувать каблуки и всё ещё влаж-

ное платье и пальто, не хотелось. Оливер протянул мне свою куртку.

– Вот, держи. Хотелось бы попросить тебя остаться, но знаю, что ты все равно уйдешь.

– Мне нужно в офис, а перед этим хотелось бы привести себя в порядок. И привести в порядок мысли.

– Тогда увидимся в офисе. – Он поднял руку и замер в сантиметре от моего лица. Словно не знал, позволено ли ему касаться меня так.

Поколебавшись секунду, дотронулся до моего подбородка, аккуратно поднял его, и посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд ждал ответа – оттолкну, или позволю продолжить. Я сглотнула, пытаюсь отстраниться, но растерянность сыграла против меня. Оливер расценил это как приглашение и медленно наклонился, мягко коснулся своими губами моих.

Поцелуй был тихим и осторожным, как будто он боялся нарушить невидимую грань, которую мы оба пытались держать. Но в этом прикосновении было столько тепла, заботы и уверенности, что моё сердце вдруг перестало трепетать от страха и начало биться от чего-то более глубокого.

Оливер стоял в дверях, молча наблюдая, как я завязываю шнурки на кроссовках. Он хотел еще что-то сказать, но сдержался. И я была ему за это благодарна. Слова сейчас могли разрушить хрупкий покой, который держался на тонкой нити.

На улице было прохладно, воздух пах мокрым асфальтом

и осенью. Небо серело после долгого дождя, но где-то вдали уже пробивалось солнце. Я вдохнула глубоко, пытаясь собрать себя по кусочкам.

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение.

Хейден: *«Я не могу выкинуть из головы то, что произошло. Если бы мог – вернул бы всё назад. Но, малыша... я не могу просто притвориться, что ничего не было».*

Я стояла прямо посреди улицы, чувствуя, как в груди что-то переворачивается.

Слова Хейдена будто ожили, прошли по коже горячей волной. Он знал, как говорить, чтобы задеть самые уязвимые места. Сжала телефон сильнее. Перед глазами всплыло лицо Оливера, его взгляд, когда он сказал: *«Теперь есть я».*

И внутри всё разорвалось на две половины. Между тем, чего хочет разум.

И тем, чего хочет сердце. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Пальцы сами набрали ответ, но я остановилась перед отправкой. Что бы я ни написала сейчас – всё изменится.

В этот момент пришло еще одно сообщение.

Оливер: *«Я не хочу давить на тебя, но теперь не смогу делать вид, что не хочу продолжения. Прошу тебя дать мне шанс. Дать шанс нам.»*

И за ним второе сообщение:

Оливер: *«Сегодня работаю из дома. Увидимся вечером?»*

На миг я растерялась. Оба просили дать им шанс. И я не знала, кому из них я действительно хочу его дать – и кому *правильнее* его дать.

Подумав минутку, я ответила Оливеру:

Виэла: *«Хорошо».*

А следом – дрожащими руками – открыла сообщение Хейдена и ответила:

Виэла: *«Всё в прошлом, мистер Кэвендиш. Теперь мы просто партнеры по работе. Впредь, прошу писать мне только по юридическим вопросам».*

Заблокировала экран и сунула телефон в карман куртки. Закуталась в неё плотнее, ощутив такой знакомый, уютный запах. Мне нужно было проветрить голову. Поэтому я не стала брать такси – пошла пешком. До дома всего несколько кварталов. До работы ещё оставалось время, и я хотела использовать его, чтобы подумать. Подумать, как вести себя дальше.

Потому что уже сегодня, возможно, мне придётся снова увидеть Хейдена.

И я всё ещё не знала, как оставаться деловой рядом с человеком, который умел лишать меня воздуха одним своим присутствием.

Собравшись, поехала на работу. Тучи наконец уступили место солнцу, но в воздухе всё ещё витала прохлада осени –

свежая, чуть колкая, как утреннее напоминание, что впереди непростой день.

Мистер Хейл уже ждал меня в офисе. Его строгий взгляд и сдержанная улыбка сразу дали понять: разговор будет исключительно деловым. В обычные дни, между встречами и подписаниями договоров, он позволял себе немного человечности – спрашивал о моих делах, интересовался успехами, иногда даже шутил. Но стоило перейти к работе – лицо его становилось непроницаемым. Это я в нём и ценила больше всего – умение держать границы. В мире, где почти каждый норовил перейти личную черту, он оставался профессионалом до конца.

– Виэла, – начал он, когда я вошла. – Сегодня встреча с инвесторами, нужно подготовить документы. Кстати, мистер Кэвендиш остался впечатлён твоей работой и лично попросил поставить тебя во главе юридического отдела по сопровождению его компании.

Я кивнула, сохранив спокойствие, но внутри всё сжалось. Конечно. Хейден постарался. У меня, конечно, был опыт ведения крупных сделок, но не такого уровня. И если бы не он, вряд ли получила бы этот шанс прямо сейчас. Шанс... или ловушку? Мистер Хейл перевернул несколько листов на столе, затем на секунду задержал на мне взгляд.

– Хорошая возможность для тебя, Виэла. Хотя, – он чуть прищурился, – мне кажется, всё это не совсем случайность. Почувствовала, как по спине пробежал холодок, но отве-

тила ровно:

– Возможно. Но я не привыкла отказываться от работы только потому, что кто-то решил упростить мне путь.

Его губы дрогнули – то ли в знак уважения, то ли сомнения.

Зал переговоров был полон привычного делового шума – шелест бумаг, короткие фразы, звон чашек с кофе. Я успела пробежаться по сводке контракта, когда дверь открылась. Хейден вошёл последним. Уверенный шаг, сдержанное выражение лица – идеальный образ генерального директора. Если бы не прошлый вечер, я бы и сама поверила, что между нами ничего не было.

– Мисс Хайт, рад видеть вас снова, – он кивнул, его голос звучал ровно, почти официально.

– Взаимно, мистер Кэвендиш, – ответила так же холодно и деловито. – Я подготовила сводку по предварительным условиям сделки и перечень рисков по второму этапу проекта.

– Отлично, – он занял место напротив. – Надеюсь, мы сможем закрыть юридические вопросы до конца недели.

– Это возможно, – кивнула я. – Но мне понадобится подтверждение от финансового отдела по вопросам залоговых обязательств и гарантийных сроков.

– Я распоряжусь, чтобы вам предоставили всё сегодня, – он говорил спокойно, глядя прямо на меня. Слишком прямо.

– Благодарю, – тут же перевела взгляд на документы. – И ещё один момент: я бы предложила уточнить формулировку

в пункте о распределении ответственности между подрядчиками.

Он приподнял бровь, и на его губах мелькнула лёгкая усмешка.

– А вы дотошны, мисс Хайт.

– Для этого меня и нанимают, мистер Кэвендиш, – ответила я, не поднимая глаз.

В зале стало тише. Остальные участники совещания переглянулись, чувствуя напряжение, но не понимая, откуда оно. Мы с Хейденом обменялись короткими взглядами.

Солнце пробивалось сквозь стеклянную стену, отбрасывая блики на стол. Его часы сверкнули золотом, озаряя татуировку на руке, и на секунду я вспомнила, как вчера этой рукой он касался моего лица. Моргнула, возвращая себе самообладание.

– Всё в порядке, мисс Хайт? – спросил он, слегка склонив голову.

– Абсолютно, – ровно ответила я. – Просто обдумываю оптимальный вариант формулировки для контракта.

– Тогда продолжайте, – сказал он мягко, но в голосе прозвучала тень иронии.

Я сделала пометку в документе, стараясь не смотреть в его сторону. Никто, кроме нас двоих, не знал, что за этой сдержанностью прячется шторм.

Совещание закончилось под звуки складывающихся папок и короткие прощальные фразы. Собрав бумаги, поспе-

шила выйти из переговорной. Сердце билось быстрее, чем хотелось бы. Почти добралась до лифта, когда услышала:

– Виэла, подожди.

Голос Хейдена был спокойным, но я знала этот тон – слишком ровный, чтобы быть настоящим. Я остановилась, не оборачиваясь.

– Вопросы по контракту, мистер Кэвендиш?

Он подошёл ближе, и я ощутила его запах – лёгкий, свежий, возбуждающий.

– Вы знаете, что не об этом я хочу поговорить, – тихо сказал он.

– Тогда не здесь, – я повернулась к нему, глядя прямо в глаза. – Мы на работе.

– А где, малышка? – в его голосе прозвучала горечь, он старался говорить тише, чтобы никто не услышал. – Где мы можем поговорить, если ты не хочешь слушать? Ты закрыла все двери.

Сжала папку в руках так сильно, что заболели пальцы.

– Потому что за этими дверями начинается то, что разрушает всё, к чему я шла.

Он шагнул ближе, почти вплотную.

– Ты действительно думаешь, что можешь просто вычеркнуть всё, что между нами было? Особенно теперь, когда мы снова встретились. Мы больше не дети.

– Это не «было». Это *случилось*, – я ответила твёрдо. – И именно поэтому больше не повторится.

На секунду он молчал, смотря на меня тем самым взглядом, от которого когда-то перехватывало дыхание.

– Если ты так уверена, почему дрожат руки?

Я отступила, ударившись спиной о холодный металл лифта.

– Вам показалось, – сказала я, с трудом сохраняя ровный голос.

– Мне редко что-то кажется, – тихо произнёс он. – Особенно когда речь идёт о тебе.

Двери лифта открылись с тихим звуком. Я шагнула внутрь, не дожидаясь, пока он закончит.

– Всего доброго, мистер Кэвендиш, – сказала, нажимая кнопку.

Он не пытался войти. Только стоял, глядя прямо, с тем самым выражением, где смешались злость, желание и боль. Когда двери закрылись, я выдохнула. Слишком поздно, чтобы убедить себя, что это всё ещё просто работа.

Глава 9

Прошлое

Долго избегать Хейдена не получилось. После очередного собрания оргкомитета я задержалась. Когда вышла из школы, было уже темно. Хвала богам – хотя бы дождя не было.

Шла в сторону дома, наслаждаясь редкой тишиной, когда сзади послышался шум подъезжающей машины. Сердце сразу забилось быстрее. Не знаю, как, но я *почувствовала* – это он. Замедлила шаг, но не обернулась.

– Эй, малышка. Подожди. Давай я тебя подвезу.

– На улице ни облачка, – ответила я, оборачиваясь на ходу.

Он ехал медленно, не отставая.

– То есть, я могу подвозить тебя только тогда, когда на улице льёт как из ведра? – в его голосе звучала улыбка, мягкая, чуть насмешливая.

Машина остановилась, и я замерла рядом. Хотелось согласиться, правда. Но если отец снова окажется дома раньше времени и увидит... он отнимет у меня последнее, что приносит радость. Если я не смогу рисовать и ходить в школу – я просто сойду с ума, теперь, когда я наконец перестала быть невидимкой. Даже Хейден обратил на меня внимание. И я до ужаса боялась это потерять. Парадоксально – чтобы не лишиться его, я должна держаться от него подальше.

– Я... не могу, – выдохнула и опустив голову пошла даль-

ше.

Послышался звук открывающейся двери, а потом – шаги. Через секунду чья-то крепкая рука сжала моё запястье, останавливая меня.

– Подожди. Что значит *не можешь*? Кто так решил? – в его голосе слышалась раздражённость, в которой пряталась тревога.

Ответа не было. Хейден сделал шаг ближе, и теперь я чувствовала его дыхание на своей коже.

– Тогда он ударил тебя потому, что я тебя подвёз? – голос стал глухим, тяжёлым. Он помнил красный след на моей щеке.

– Нет, это не важно, – заставила себя смотреть ему в глаза. – Ты же слышал слухи. Отец любит напиваться и срывать злость на жене и дочери. К тебе это не имеет никакого отношения.

Ложь далась удивительно легко. Потому что правда была хуже. Потому что я не могла позволить себе, чтобы он вмешался. Его ждал колледж, стажировка, блестящее будущее. Но никак не я. Не девчонка из старого обветшалого дома, в пацанской одежде и отцом-алкоголиком.

Оливер был прав: такая, как я – не будет с таким, как он. Но бог свидетель, я мечтала о любви. И хотела, чтобы именно он был тем, кто даст мне её. Лежа ночью в кровати, мечтала о его взгляде и прикосновении. Ночью, в одиночестве, я могла позволить себе мечты о нашем будущем.

– Ориана, – он произнёс моё имя почти шёпотом, – ты правда думаешь, я не понял, что ты избегала меня все эти недели? – выдохнул он и отвёл взгляд. – Я знаю, тебе не нужна ни жалость, ни спаситель. Но... не отталкивай меня. Я ведь могу быть твоим... другом.

На последнем слове – замолчал, будто оно застряло в горле.

А я смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Его слова, простые, искренние, звучали почти как признание, но скрывали что-то ещё. *Другом*. Это слово отозвалось болью – потому что быть другом Хейдену Харрингтону было слишком мало... и слишком опасно.

– Другом, – тихо повторила я, почти с горькой усмешкой. – Ты не обязан быть моим другом, Хейден. У тебя есть команда, друзья, девушка. Зачем тебе я?

Он нахмурился, сделал шаг ближе. В свете фонаря я видела, как на скулах играют тени. На слове девушка он слегка поморщился.

– Потому что я не могу просто смотреть, как ты идёшь домой, зная, что там творится. Потому что не хочу, чтобы ты делала вид, будто всё в порядке.

Приподняв подбородок чуть выше, старалась говорить ровно, но голос всё равно дрогнул:

– Всё *в порядке*. Я привыкла.

– К этому невозможно привыкнуть, – он сказал это так тихо и в его голосе слышалась горечь человека, знавшего о

чём он говорит. Но это не могло быть правдой. Он рос в семье богатых людей, его всё любили. Откуда ему знать, к чему можно привыкнуть, а к чему нет.

– Но я всё равно живу, – оборвала я, стараясь звучать холодно. – Не нужно лезть туда, где не сможешь ничего изменить. У тебя будет только чувство вины, и я не хочу быть его причиной.

Он молчал. Только сжал челюсти и медленно выдохнул.

– Ты думаешь, я боюсь грязи, в которой ты живёшь? Что мне нужна глянцева кукла с мертвой душой?

– Я думаю, – посмотрела ему прямо в глаза, – что однажды ты поймёшь, что поступил глупо. И пожалеешь, что вообще остановился тогда меня подвести.

Эти слова были острые, как лезвие. Я чувствовала, как каждое из них режет не только его, но и меня. Но следовало поставить точку – пока не стало поздно. Не смотря на мои мечты, будущего у нас нет. Лучше я буду наблюдать за ним издалека и позволять себе мечтать.

Он медленно отпустил моё запястье, и на коже остался след – тонкая красная полоса.

– Тогда, думаю, на сегодня всё, – тихо сказал он. – Но ты ошибаешься, если думаешь, что я смогу просто отвернуться. Ты совсем меня не знаешь, малышка.

Затем сел в машину, завёл двигатель и уехал. А я стояла на тротуаре, пока красные огни фар не растворились за поворотом. Только тогда позволила себе выдохнуть.

И впервые за долгое время почувствовала, что холод доходит до костей не от ветра – от того, что внутри всё тоже стало ледяным.

Прошла ещё одна неделя. Подготовка к балу шла полным ходом – всё было почти готово, оставались лишь последние штрихи. Сегодня – день матча. Мне безумно хотелось остаться и посмотреть игру, но она проходила вечером, а сегодня отец будет дома. Если я вернусь поздно, мне влетит.

Я подумывала позвать Оливера и под предлогом совместных занятий (против этого, отец не имел ничего против), сходить с ним на матч, но он ясно дал понять, что думает о Хейдене. Когда я рассказала ему о нашей последней встрече у школы и о том, как оттолкнула Хейдена, Оливер просто обнял меня и сказал, что так будет лучше. Мне даже показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Так что оставалось два варианта: пойти на игру и надеяться, что к моему возвращению отец уже будет пьян... или не идти вовсе. Я сказала Хейдену обидные слова, чтобы оттолкнуть его, но всё равно продолжала наблюдать за ним со стороны.

Почти сразу после нашего последнего разговора, он расстался с Моникой – хотя та не переставала пытаться вернуть его. Когда об этом узнала вся школа, Хейден исчез на два дня. Никто не знал, почему.

Эта новость не должна была меня радовать, но радовала.

Я вспоминала наш разговор: *«Думаешь мне нужна глянцева-
я кукла, с мертвой душой?»*. Никогда не думала, что так он
думает о Монике Вейс. Когда они обжимались в коридорах,
выглядели счастливыми. Неужели это просто притворство?
Но зачем...

Подумав, всё-таки решила пойти на игру. Отца ещё не бы-
ло дома – только мама. Сегодня у неё был выходной в боль-
нице, что случалось нечасто. Я сказала, что иду к Оливеру
заниматься, она просто кивнула, не задав ни одного вопроса.
Иногда мне казалось, что ей всё равно – где я, с кем, когда
вернусь. Её глаза давно потухли, в них не осталось ни света,
ни жизни. И во всём был виноват отец. Иногда я даже жале-
ла, что появилась на свет. Не помню ни одного момента, ко-
гда в этом доме кто-то был по-настоящему счастлив. В нём
никогда не звучал смех, только крики, тишина и страх.

Перебежав дорогу, направилась к дому Оливера. Честно
говоря, я собиралась действительно посидеть немного у него,
а потом сбежать на матч. Успеть хотя бы на второй тайм.
Может, даже затащить Оли с собой, если получится.

Подошла к знакомому белому заборчику, открыла калит-
ку и пошла по аккуратно подстриженной лужайке к зелёной
резной двери. Оливер рассказывал, что её когда-то сделал
его дед. Она и правда была красивой – выделялась на фоне
потрескавшихся дверей соседних домов. Даже воздух здесь
был другой: пахло свежей выпечкой, уютом – домом.

Аккуратно постучала, и через минуту дверь открыла ма-

ма Оливера. Её лицо озарила добрая улыбка – та самая, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно.

– Здравствуй, милая, – сказала она, вытирая руки о фартук. На светлом платье в мелкий цветочек виднелись следы муки. Волосы, собранные в небрежный пучок, выбивались мягкими прядями. Она выглядела так... по-домашнему. Настоящей.

Она обняла меня – тепло, по-матерински. Не помню, чтобы моя мать делала это когда-либо. Думаю, Элоиза знала это, поэтому всегда старалась подарить мне хоть немного заботы.

– Я испекла вам печенье, – сказала она. – Оливер наверху, ждёт тебя.

Улыбнувшись в ответ, почувствовала, как где-то глубоко внутри становится немного легче.

– Спасибо, миссис Скотт.

– Сколько раз я тебе говорила – зови меня просто Элоиза, – мягко сказала она и коснулась моей щеки.

Сжав тарелку с печеньем, я поднялась наверх. Оливер, как обычно, сидел за компьютером. На трёх мониторах мелькали строчки кода, таблицы, схемы – что-то, в чём я никогда не разбиралась. Когда я вошла, он резко обернулся, нажал пару клавиш – и один из экранов сменился невинной заставкой с машиной.

– Что ты там прячешь, хакер? – улыбнулась я, ставя тарелку на стол и плюхнулась в соседнее кресло.

Он поправил очки и, не поднимая взгляда, бросил:

– Ты всё равно не поймёшь. Пишу код для приложения.

– Ну да, куда уж мне, – фыркнула я.

Оливер усмехнулся, но в его взгляде не было прежнего задора.

– Собираешься сегодня на игру? Хочешь, чтобы я стал твоим прикрытием?

Тут же почувствовала лёгкий укол вины. Сегодня он был другим – сдержанным, будто усталым от меня. Обычно он с блеском в глазах рассказывал о своих проектах, о том, как мечтает поступить в колледж в Бостоне и открыть собственную IT компанию. А теперь смотрел так, словно я снова делала что-то, что ранит его.

Оливер некоторое время молчал. Лишь тихо постукивал пальцами по столу, будто считал удары вместе с ритмом собственных мыслей. Я отломил кусочек печенья и попыталась сделать вид, что не замечаю его взгляда.

– Значит, всё-таки пойдёшь, – после минутного молчания сказал он уже не спрашивая.

– На игру? Да. Хочу немного развеяться, – я старалась говорить спокойно, не глядя на него.

– Развеяться, – повторил он, сдержанно усмехнувшись. – Интересно, это то самое слово, которое девушки используют, когда идут смотреть, как парень, по которому они сохнут, носится по полю с мячом?

– Оли... – начала я, но он поднял руку, не давая договорить.

– Не ври мне. Ты ведь не ради футбола туда идёшь.

В его голосе не было злости – только усталость и разочарование. Он знал меня слишком хорошо. Знал, когда я вру, и когда пытаюсь убежать от правды.

– Просто хочу посмотреть игру, – выдохнула я. – Всё.

– Всё? – он горько усмехнулся.

– Просто посмотрю матч и уйду.

Он резко откинулся на спинку кресла, снял очки и потёр переносицу.

– Ты даже не представляешь, как глупо это звучит. Ты ненавидишь футбол и массовые сборища кричащих учеников. – Его голос стал ниже, тише. – Каждый раз, когда речь идет о нём, ты словно исчезаешь. Становишься другой.

– Это неправда, – сжала ладони, чувствуя, как внутри всё кипит.

– Перестань, – оборвал он резко. – Я видел, как ты на него смотришь. Твой блокнот полон его портретов. Ты думаешь, я идиот?

Я встала, не выдержав.

– А ты думаешь, всё знаешь обо мне! – голос сорвался, дрогнул. – Это не твоя жизнь, Оливер. Не тебе решать, куда мне ходить и с кем говорить!

– Если бы ты хоть раз увидела себя со стороны, ты бы поняла, почему я так злюсь, – тихо произнёс он, вставая навстречу. – Он из другого мира, Ориана. Он сделает тебе больно.

Я сжала губы, не зная, что ответить.

– Я не ребёнок, Оли, и сама могу решать.

Он сделал шаг ближе, и на миг между нами осталась лишь пара сантиметров.

– Ладно. Делай как хочешь, – просто взял печенье со стола, посмотрел на него и устало улыбнулся. – Но, ... будь осторожна, ладно?

После небольшой ссоры, я ушла. Нам обоим надо быть остыть. Миссис Скотт взволнованно поинтересовалась, почему я ухожу так рано, пришлось соврать, что мама попросила ей помочь на кухне. Она поджала губы, улыбнулась и попрощалась со мной.

И вот я уже была на футбольном поле Старшей Школы Ривербенд. Поле озарял свет прожекторов. Трибуны были заполнены людьми с обеих школ. Повсюду сновали ученики и обеспокоенные родители. «Грозные Гризли» играли против соседней школьной футбольной команды «Медведи». Вот уж поистине великое сражение.

Первый тайм подходил к концу, я подошла к краю поля, как раз недалеко от того места, где располагалась скамейка запасных нашей команды. Там стоял тренер и что-то очень громко кричал, яростно жестикулируя. Взгляд упал на табло – 1:2, счет не в нашу пользу. Теперь было ясно, почему он так злится. Воздух был пропитан адреналином и запахом горячего шоколада из школьного киоска неподалеку. Я встала в тени у ограды, стараясь не выделяться. Но взгляд сам со-

бой нашёл его.

Хейден.

Он был сосредоточен, напряжён, в каждый его рывок, в каждый бросок было вложено больше, чем просто спортивное упорство. Возможно – злость. Возможно – боль.

Когда судья дал свисток об окончании первого тайма, команда взорвалась криками. На поле тут же выбежали группы поддержки обеих команд, скандируя лозунги в поддержку. Хейден стоял, тяжело дыша, и, казалось, кого-то искал взглядом. Меня.

Я сделала шаг назад, но слишком поздно – наши глаза встретились.

Мгновение – и мир перестал существовать. Толпа, шум, огни – всё будто смазалось. Он нахмурился, словно не верил, что я действительно здесь, потом направился прямо ко мне.

– Ты всё-таки пришла, – тихо сказал он, остановившись в метре. Его голос звучал сдержанно, но в глазах бушевал шторм.

– Не знаю, зачем, – прошептала я, – просто... хотела посмотреть.

Усмехнулся, чуть качнув головой.

– А я думал, ты больше не хочешь даже говорить со мной.

– Не хотела, – честно призналась я. – Но всё время думала о тебе.

Слова сорвались с губ, и их нельзя было вернуть назад.

Хейден посмотрел на меня, потом шагнул ближе.

– Знаешь, малышка... иногда я думаю, что, если бы ты просто позволила мне быть рядом, всё стало бы проще.

Не поверив, что слышу такие слова – замерла. Ветер чуть тронул капюшон, и он соскользнул с головы.

– Проще? – переспросила я. – Между нами никогда не было и не будет ничего простого.

Хотелось поддержать разговор в той же слегка шуточной манере, потому что боялась принимать его слова всерьёз. Он снова усмехнулся – коротко, почти без радости.

– Вот именно. Но, кажется, я всё равно не умею останавливаться. Особенно, когда дело касается ...

– Хейден... – прошептала я, – не сейчас.

Он смотрел на меня так, будто в мире не существовало никого, кроме нас. Этот взгляд заставлял сердце биться так сильно, что, казалось, его услышат все вокруг.

Чуть наклонившись ко мне, он будто хотел ещё что-то сказать, но вдруг позади послышался звонкий, надтреснутый голос:

– Конечно, она здесь. Я была права. Видела, как ты смотрел на неё всё это время. Подумать только, невидимка стала наконец видимой.

Я вздрогнула. Моника Вейс стояла у кромки поля, в своём идеальном белом пальто, с телефоном в руке и холодной улыбкой, которая не касалась глаз. Волосы цвета пшеницы волнами рассыпались по плечам, карие глаза пылали нена-

вистью. Позади, несколько девушек из ее свиты перешёпты-вались, с интересом наблюдая за сценой.

Хейден выпрямился, и по его лицу пробежала тень раздражения.

– Моника, не начинай, – сказал он спокойно, но в его голосе чувствовалось предупреждение.

– Не начинать? – она фыркнула. – Ты бросил меня без объяснений, а теперь я вижу, почему.

Её взгляд метнулся ко мне, оценивающе, с тем самым презрением, которое я так хорошо знала.

– Девочка с окраины. Как трогательно. Папа, наверное, гордится.

Я сжала кулаки, но не ответила. Хейден шагнул ближе к ней.

– Хватит.

– Или что? – Моника улыбнулась шире. – Защищаешь её? – на последнем слове, её рот скривился от отвращения.

В этот момент между ними повисло что-то острое, что-то опасное. Он стоял между мной и ею, и я вдруг поняла, что эта сцена только подольёт масла в огонь слухов. Я не хотела быть причиной скандала.

– Не надо, – тихо сказала я, коснувшись его руки. – Пусть говорит, что хочет.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела яростное желание защитить.

– Нет, – твердо заявил он.

– Не нужно из-за меня устраивать сцену.

Моника фыркнула.

– Ах, как благородно. Только знаешь что? – она наклонила голову и прошептала с усмешкой: – глупышки вроде тебя всегда думают, что смогут изменить таких, как он. Только правда в том, что рано или поздно, он поймет, что такие как ты, нужны лишь для того, чтобы развлечься, не более. И все равно вернется ко мне.

Я не ответила. Просто развернулась и пошла прочь, чувствуя, как сердце колотится в груди, будто оно вот-вот разобьётся. За спиной я слышала, как Хейден позвал меня по имени, но не обернулась.

Пусть думает, что угодно. Пусть все думают, что хотят. Главное – чтобы отец не узнал, что я снова была рядом с ним.

Глава 10

Настоящее

Оливер: *«Заеду в восемь, оденься теплее».*

Сегодня у нас с Оливером должно состояться «свидание».

Так не привычно применять это слово к нему. Правильно ли поступаю, давая нам шанс на что-то большее? До сих пор было сложно поверить, что после двенадцати лет дружбы, между нами могут быть отношения.

Эгоистично с моей стороны, но меня не покидала мысль, что, начав встречаться с Оливером, я наконец смогу выкинуть из головы Хейдена. Делало ли это меня плохим человеком? Возможно.

Виэла: *«Надеюсь нам не придется отправиться в лес, я боюсь медведей».*

Оливер: *«Мы живем в Бостоне, тут нет леса и тем более медведей, единственный кого-то тебе стоит бояться – это я».*

Губы тронула тёплая улыбка.

В назначенное время я спустилась вниз, чёрный спортивный Ауди плавно остановился у тротуара, бесшумно, будто сама тень материализовалась из воздуха. Салон мягко осветился – белое, холодное свечение коснулось его лица. Он вышел. Ни очков, ни сутулости – только уверенная осанка и спокойный взгляд человека, который знает себе цену. Когда-то он путался в словах, теперь – в его молчании было

больше силы, чем в чужих речах. Сложно было представить, что когда-то он был другим.

Оливер вышел из машины и направился ко мне. Подошёл ближе, чем обычно – слишком близко. Воздух между нами словно сгустился. Было странно – как будто я стояла ни перед своим лучшим другом, а перед мужчиной, которого вижу впервые.

Он шагнул ещё ближе, наклонился и едва коснулся моих губ. Короткий, лёгкий, почти невесомый поцелуй – и всё же сердце сорвалось с места.

– Поехали? – спокойно спросил он, открывая передо мной пассажирскую дверь.

– Куда ты меня везёшь? – голос чуть дрогнул, и я поспешно спрятала это за улыбкой.

Как и просил Оливер, я оделась теплее: тёмные лосины, свитер, куртка-бомбер и высокие сапоги. После недели, проведённой в строгих костюмах и на каблуках, это ощущалось почти как свобода.

– Это сюрприз, – ответил он, бросив на меня короткий взгляд. Его улыбка – настоящая, немного озорная – на миг вернула то чувство лёгкости, которое я так давно не испытывала рядом с ним.

Машина мягко тронулась и выехала на трассу Север Юс-1. Вечерний свет фар размывал обочины, за окнами мелькали огни. Я поняла, что мы направляемся за город.

– Мы едем за город? – уточнила, уже догадываясь об от-

вете.

– А ты нетерпеливая, да? – усмехнулся он, не отрывая взгляда от дороги.

– Ты же знаешь меня. Я привыкла всё держать под контролем, – ответила, слегка скривив губы. Это действительно было так: слишком долго моя жизнь зависела от чужих решений. Контроль был единственным способом устоять. Но с появлением Хейдена всё снова начало рушиться.

– Знаю, но просто доверься мне.

Он оторвал одну руку от руля и потянулся к моей ладони. Аккуратно взял руку в свою, такую большую, тёплую и переплел наши пальцы. Я никак не могла привыкнуть к этим новым прикосновениям и ощущениям, которые они дарят.

Спустя сорок минут поездки я наконец поняла, куда он меня привёз.

Старый парк развлечений на берегу моря – Салем Виллоус.

Не роскошный, как центральный парк Бостона, не ухоженный, не глянцевый.

Деревянная набережная с облупившейся от соли краской, сладковатый запах попкорна и жареного теста, перемешанный с солёным ветром. Вдали – крики чаек, детский смех и гул старых каруселей, у которых музыка звучала чуть фальшиво. Повсюду мигали усталые гирлянды, а под ногами

скрипели доски настила.

Я не была здесь никогда, но сразу почувствовала, будто вернулась в место, где уже когда-то была – простое, живое, без масок.

– Ты привёз меня в парк развлечений? – повернулась к нему, улыбаясь. — Значит, вот как выглядит идеальное свидание с Оливером Скоттом?

Он усмехнулся, слегка пожал плечами:

– Я просто подумал, что тебе стоит хотя бы на один вечер перестать быть взрослой.

Да, он знал меня слишком хорошо. Это вызывало улыбку. Все видели во мне уверенную женщину – в строгой одежде, с идеальной причёской и холодным взглядом. Но где-то глубоко внутри жила та самая девчонка, которая мечтала о свободе, о простоте. О возможности громко смеяться, говорить глупости и есть сладости из бумажного пакета.

И, пожалуй, позволить себе быть собой я могла только с двумя людьми.

Один из них – стоял сейчас рядом, глядя на меня с лёгкой, чуть растерянной улыбкой.

– Что ж, веди, – улыбнулась я, чувствуя, как напряжение последних дней постепенно отступает. Сегодня мне хотелось только одного – чтобы всё было легко. Без анализа, без оглядки на прошлое, без мыслей о том, правильно ли я поступаю. Просто вечер – просто мы.

Я привыкла к лёгкости, которая всегда была между нами, – к этой дружеской теплоте, к смеху, к безмолвному взаимопониманию. И боялась, что теперь всё изменится. Что романтика разрушит то, что мы строили годами.

Оливер подошёл ближе, положил руки мне на талию и наклонился к самому уху.

– На какой карусели хочешь прокатиться первой? Колесо обозрения? – его голос был низким, бархатным, с едва уловимой усмешкой. Мурашки пробежали по коже, а дыхание перехватило.

– На что это вы намекаете, мистер Скотт? – приподняла бровь, стараясь скрыть улыбку.

Он мягко коснулся моей щеки, убрал выбившийся локон и тихо рассмеялся.

– Ни на что. Как вы могли подумать обо мне такое, мисс Хайт? – сказал он ещё тише.

А потом – не дал мне ответить. Его губы коснулись моих. Сначала осторожно, будто проверяя, не оттолкну ли – давая мне шанс уйти. Но я не ушла. Не хотела.

Поцелуй стал глубже, настойчивее. В нём чувствовалось всё – годы ожидания, скрытые взгляды, слова, так и не сказанные вовремя. Его руки крепче сжали мою талию, а я вцепилась в лацканы его куртки, чувствуя, как теряю почву под ногами.

Мир сузился до этого мгновения – до запаха морского ветра, тепла его тела и вкуса поцелуя, который казался запрет-

ным... но таким правильным.

В парке было много народа. То тут, то там бегали дети с яблоками в карамели, аниматоры и зазывалы приглашали всех желающих прокатиться на каруселях или заглянуть в комнату страха. После поцелуя на парковке мне было немного неловко – я то и дело краснела, глядя на Оливера. Он же держался расслабленно, будто мы были вместе всегда, и сейчас он был счастливее всех на свете. Должно быть так и было. Его глаза сияли, подсвеченные светом фонарей.

Вечер был идеальным. Мы прокатились на американских горках – пусть и на их уменьшенной версии, – покатались на машинках, долго смеялись, нарочно врезаясь друг в друга. Ели сахарную вату и хот-доги. Гуляли, держась за руки и болтали о всякой ерунде, стараясь не касаться сложных тем.

– Пойдем туда, – сказал Оливер, заметив что-то вдаль, и потащил меня за собой.

Я едва успевала за ним.

– погоди, куда ты так несёшься? – посмеиваясь, сказала я, но всё равно прибавила шагу.

Когда увидела, куда он меня привел, улыбка сошла с моего лица. Возле будки поцелуев сидел мужчина, вокруг него стояли мольберты с рисунками. Он рисовал портреты всех желающих. Сердце забилося чаще. Я не брала карандаш в руки с тех самых пор, как моя жизнь рухнула. С уходом Хейдена и потерей самого важного в своей жизни я бросила и рисование. Отказалась от своей мечты стать художником –

ради того, чтобы изменить будущее, стать успешной и уважаемой среди тех, кто когда-то отверг меня.

– Я знаю, ты давно не рисуешь, – мягко сказал Оливер, сжимая мою руку. – Но, может, позволишь хотя бы нарисовать твой портрет?

Посмотрела на него, потом на художника. Он как раз рисовал девчущку с милыми косичками и плюшевым мишкой в руках. И вдруг мне отчаянно захотелось взять в руки карандаш и запечатлеть этот момент. Впервые за двенадцать лет.

– Или я могу попросить его дать тебе бумагу и карандаш, – продолжил Оливер. – Я же вижу, ты хочешь.

– Я... не могу. Я так давно не делала этого, что, наверное, уже разучилась держать в руке карандаш, – пробормотала я. Глупая отговорка – знаю.

Оливер отпустил мою руку, подошел к художнику, наклонился и что-то шепнул ему. Мужчина посмотрел сначала на него, потом на меня, вопросительно приподнял бровь. Оливер достал что-то из кармана куртки и протянул ему. А я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и не знала, куда себя деть. В груди разливалась тревога – не от страха, а от предвкушения. Словно мне предлагали не просто порисовать, а прыгнуть с тарзанки.

Когда Оливер подозвал меня, я сделала глубокий вдох и медленно подошла к художнику. Его глаза были добрыми и внимательными, а руки уверенно держали карандаш. Я села на стул рядом, положила руки на мольберт. Пальцы немного

дрожали, когда я коснулась карандаша.

– Начинай, когда будешь готова, – мягко сказал художник.
– Не спеши.

Сам он продолжил рисовать девчушку. Карандаш казался тяжелее, чем я помнила. Сначала я только водила им по бумаге, будто прислушиваясь к движению, пробуя линии. Затем набралась смелости и начала аккуратно очерчивать контуры лица Оливера, который сел напротив, слегка наклонив голову и улыбаясь.

– Видишь? Ты всё ещё помнишь, – тихо сказал Оливер, держась рядом. Его рука потянулась ко мне и сжала коленку в знак поддержки.

Я почувствовала тепло и уверенность. Каждый штрих возвращал меня к себе настоящей, к тому, кем я была до того, как страх и боль захватили меня. Линии лица Оливера, улыбка, сияющие любовью глаза – я ловила всё, что делало его таким родным. Только сейчас поняла, что это был первый портрет Оливера, который я рисовала. До этого все мои блокноты украшало другое лицо. Лицо парня с синими глазами.

Когда портрет начал обретать форму, я поняла: это больше, чем рисунок. Это маленький акт свободы. Я снова могла творить, снова могла быть собой. И, главное, была рядом с тем человеком, которому доверяла больше всего. Оливер снова это сделал – спас меня.

– Отлично получается, – сказал он тихо, заглянув за моль-

берт. – Я горжусь тобой.

И в этот момент пришло осознание: может быть, именно здесь, в старом парке, среди шумных каруселей и запаха попкорна, начинается что-то новое. Что-то настоящее. Если, конечно, я ничего не испорчу.

– Тебе удалось поймать меня, – сказал он, почти шёпотом. Мы поблагодарили художника и двинулись к набережной. – И не только на рисунке.

Я подняла глаза и встретила с его взглядом. Слова были излишни.

– Спасибо, – выдохнула я, слова прозвучали тихо, почти для себя самой. – За всё.

Оливер улыбнулся, и эта улыбка была теплее любого солнечного света. Он медленно провел большим пальцем по моей руке, и я ощутила дрожь.

Прогулявшись еще немного, мы собрались домой. Уезжать совсем не хотелось. Этот вечер прошел намного лучше, чем я могла представить. Держась за руки, мы подошли к машине. Я крепко сжимала рисунок Оливера свободной рукой. Мне не терпелось завтра после работы заехать в художественный магазин и купить всё необходимое. Сейчас я могла позволить себе лучшие карандаши и кисти, а также хороший дорогой мольберт и плотную бумагу. Оливер подтолкнул меня к возвращению той важной частички моей души, которая как я думала, умерла в тот день, когда я потеряла его...

Обратная дорога заняла меньше времени, а может так просто казалось. Мы ехали в тишине. Не в той, когда не знаешь, что сказать, а в той, когда слова и не нужны. Когда просто комфортно помолчать рядом с друг другом.

Машина мягко притормозила около моего дома. Сейчас я могла просто поблагодарить Оливера за этот прекрасный вечер и уйти, забрав с собой воспоминания об этом дне, а могла пригласить его к себе и возможно мы пересекли бы еще одну черту. При мысли об этом, я ощутила тепло в низу живота. Может это было от того, что я давно ни с кем не спала, а может от того, что представила каким может быть в постели мужчина, сидящий рядом со мной.

– Может зайдёшь? – выпалила я, пока не передумала. Оливер посмотрел на меня, перевел взгляд на мои губы, его глаза были полны едва скрываемого желания.

– Ты уверена?

Его губы изогнулись в лукавой усмешке.

– Я всего лишь предложила зайти, а не прыгать сразу в кровать. Так что закатай губу.

Улыбнувшись, сказала я и провела большим пальцем по его нижней губе. Она была такой мягкой и манящей. Я знаю, что дразнила его, и это было не совсем правильно. Но я была такой, просто он никогда не видел этой стороны моего характера.

Оливер прикусил губу и слегка коснулся зубами подушечки моего пальца. Я почувствовала, как его тепло распростра-

няется вокруг, но в глазах всё ещё читалась осторожность. Он не хотел нарушать мои границы, но желание быть рядом было очевидным. Сognaв с глаз пелену желаний, которое прямо парило в воздухе, убрала руку от его лица, взяла рисунок и вышла из машины. Помедлив мгновение, водительская дверь тоже открылась, и Оливер пошел за мной.

На Бостон опустилась ночь, даря прохладу нашим разгорячённым телам. Я глубоко вдохнула, стараясь прийти в себя и вернуть трезвость мыслей.

– Чаю или вина? – сказала я, проходя на кухню и включая свет. Безопасней было бы выпить чаю, поболтать и разойтись. Однако, хотелось посмотреть, чем может закончиться для нас этот вечер.

– Вина, – он подошел сзади, совсем близко ко мне, руки легли на мою талию, когда я потянулась за вином на полку.

Достала бутылку и два бокала. Он все еще был сзади, наклонился совсем близко, коснувшись губами мочки моего уха.

– Позволь... я разолью, – хрипло выдохнул он. По всему телу бежали мурашки. Я и подумать не могла, что мой друг ботаник превратится в такого мужчину обольстителя. Кто бы сказал мне это двенадцать лет назад, я бы не поверила. Я любила Оливера, но никогда не думала, что он сможет на столько измениться. А может я просто была занята мыслями о другом.

Медленно обернулась, зажатая в кольцо его рук. Не успе-

ла что-либо ответить, как он подхватил меня под ягодицы и усадил на столешницу.

– Ах... – это все что я успела произнести от неожиданности, крепко сжимая бутылку в одной руке и бокалы в другой.

Оливер улыбнулся и на этот раз это была сексуальная улыбка, всё ещё непривычная для меня. Он забрал из моих рук бутылку и бокалы, достал из соседнего ящика штопор и разлил вино. В воздухе витало такое сексуальное напряжение, что его можно было потрять руками.

Оливер отдал один бокал мне, поднял свой, и сказал:

– За лучший вечер в моей жизни и лучшую девушку рядом со мной.

Его губы растянулись в искренней улыбке. Залившись краской, поднесла бокал к его и тишину комнаты оглушил звук стукнувшихся бокалов, затем сделала небольшой глоток. Вино приятной терпкостью обволокло рот и двинулось ниже в желудок, согревая изнутри. А может жар опалял меня вовсе не из-за вина, а из-за мужчины, прижимавшегося ко мне. Поставила бокал на стол, и Оливер склонился чуть ближе. Его взгляд был сосредоточенный, мягкий, но в то же время пронизательный, словно он пытался прочесть мои мысли.

– Ты знаешь, – сказал он тихо, – что я не сумею ждать слишком долго.

Я улыбнулась, слегка нервно, чувствуя, как сердце бьётся быстрее.

– И что теперь? – прошептала, ощущая тепло его дыхания.

Он медленно протянул руку, скользнул пальцами по моей щеке, не спеша, как будто каждая секунда была важна.

– Теперь, если ты позволишь ... мы будем наслаждаться этим моментом, – ответил он, и его губы коснулись моих в поцелуе – страстном, обещающем гораздо больше.

Сердце пропустило удар. Я отпустила все сомнения и позволила себе погрузиться в это чувство. Вино, тепло кухни, ночь за окнами – всё растворилось вокруг нас. Остались только мы и это мгновение. О последствиях будем думать завтра.

Руки Оливера были повсюду. Гладили мою спину, бока, опускались к бедрам, которыми я прижала его крепче к себе. Мои руки запутались в его коротких волосах, и я наслаждалась их мягкостью. Оливер издал почти животный рык, когда его пах, выпирающий от желания, коснулся внутренней стороны моего бедра. Нас разделяло несколько слоев одежды, но все ощущалось так остро, словно мы уже были обнажены. Может потому, что в этот момент обнажились наши души.

– Ви... – тяжело дыша выдохнул мне прямо в губы Оли, – я хочу тебя. Если ты сейчас меня не остановишь, боюсь позже я просто не смогу этого сделать.

Сказав это, он еще теснее прижал меня к себе, давая ощутить правдивость его слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.